

Любовь не терпит короткого поводка...

Новая хозяйка
собаки Баскервилей
роман

НАТАЛИЯ
МИРОНИНА

Наталия Миронина

Новая хозяйка

собаки Баскервилей

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11079803

Миронина, Наталия. Новая хозяйка собаки Баскервилей : роман: Эксмо;

Москва; 2015

ISBN 978-5-699-81731-3

Аннотация

Устав от сложных отношений с бездельником-мужем, Катя согласилась провести время на роскошной яхте в качестве собачьей няньки. И вот белый корабль отчаливает от берега, а молодая женщина оказывается один на один с кошмаром: огромной неуправляемой собакой. Все сторонятся Катю, кроме молодого, элегантного, словно сошедшего с обложки журнала чиновника Юры... На него совершается покушение. Благодаря бестолковой собаке, которая резко дернула поводок, пуля не задела сердце. Юра будет жить. И Катя – самая желанная посетительница в палате, где он выздоравливает. До тех пор, пока там не появляется его жена, роскошная оперная дива...

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	72
Глава 3	94
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Наталья МIRONина

Новая хозяйка

собаки Баскервильей

© МIRONина Н., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Часть I

Глава 1

С верхней палубы раздался женский смех. Так смеются женщины, когда уверены в своей красоте, точно знают, что нравятся, и когда будущее представляется гладким и блестящим, как эта вода за кормой. Катя вздохнула – в свои тридцать лет у нее так смеяться не получалось.

Яхта двигалась плавно, легко. Ее ход был настолько убаюкивающим, что Катя закрыла глаза и погрузилась в приятную легкую дремоту. Так поутру мы нежимся, продлевая беззаботность выходного дня. Глубокий сон с его целебным и не имеющим вкуса забытием остался далеко позади в ночи, на смену ему пришла легкая истома – граница сна и бодрствования. Катя лениво пошевелила рукой, вытянулась в струнку под легким одеялом... Ноги ее при этом наткнулись на что-то теплое, которое тут же забурчало, завздыхало и придавило Катину ногу. Катя с упрямой досадой попыталась спихнуть «препятствие» с кровати, но потерпела неудачу.

– Господи, да кто тебя приучил спать в постели! – проворчала Катя. В этот момент раздался смех, словно кто-то подслушивал их. Смех опять был женским, только уже рез-

ким, немного нагловатым... Катя подтянула колени к груди, открыла глаза и прислушалась к остальным звукам – механизмы машинного отделения гудели тихо, словно переговаривались между собой неведомые существа, где-то стучал мяч, все тот же смех, теперь уже более тихий и от того более неприличный, теперь доносился прямо из иллюминатора. Над всем этим главенствовал один звук, постоянный и ритмичный, – звук прибоя, шум волны, которую рассекает нос яхты. «Надо вставать! Этот сейчас будет проситься на берег», – уговаривала себя Катя, рассматривая свою роскошную каюту и вспоминая, как очутилась в этом сказочном месте...

В тот день ее ждали двое. Лица у них были строгие, жесткие и равнодушные. Катя постаралась настроиться на доверительный тон.

– Послушайте, – начала она, – мне нужно немного времени. Я ведь никогда ничего не нарушала.

– Это вам так кажется, вот еще один документ. – Молодой щеголеватый пристав подал ей листочек.

Она попыталась прочесть, но ничего не поняла.

– Можно я оставлю его себе? Я должна все как следует обдумать.

– Думать раньше надо было. И платить вовремя надо. И отчетные документы вовремя предоставлять.

– Я знаю, но я за всех – и за продавца, и за кладовщика, и

за экспедитора, и за бухгалтера... У меня просто не хватило времени, а потом... потом все так закрутилось...

– У вас форма собственности какая? Индивидуальный предприниматель. Вы отвечаете всем своим имуществом. Если бы у вас было ООО, общество с ограниченной ответственностью, тогда другое дело.

– Я все знаю...

– Знать мало! – Пристав повысил голос, и в его тоне появилось хамоватое превосходство. – Надо еще и выполнять требуемое. Мы закрываем ваш магазин.

– Послушайте, но ведь так нельзя! У меня же не дрова, у меня... – Катя внезапно запнулась. Она поняла, что разжалобить этих людей невозможно.

– Так, секунду. Мы сейчас вернемся. – Женщина в форме, которая до этого молчала, потянула напарника на улицу.

Судебных приставов было двое. Полноватая дама с короткой «баклажановой» стрижкой, одетая в тугий форменный китель, и молодой высокий франт от фискальных инстанций. Они только что закончили осматривать объект.

– Чего это вы меня на улицу вывели? Собственно, говорить не о чем, составляем, описываем... Одним словом, оформляем. – Молодой пристав достал дорогую ручку.

Она не ответила. Только внимательно разглядывала витрину. Возвращаться в магазин ей не хотелось. Взгляд женщины, к которой они сегодня пожаловали, не давал ей покоя. В этом взгляде не было мольбы, не было заискивания, не

было даже невольного почтения, которое обычно вызывала их форма. Во взгляде этой женщины сквозила тоска. И эта тоска не давала покоя приставу.

– Что ты такой пряткий, Кузнецов?! Ты на пожаре? Что ты торопишься?! Посмотри, тут есть где кофе выпить?

– А что медлить? Мы для чего сюда пришли? Вы же знаете, Ирина Александровна, вопрос решенный, все документы готовы... И потом, нас и тут могут кофе угостить... – Молодой пристав как-то особенно неприятно ухмыльнулся.

Ирина Александровна не ответила. «Уже почти сволочь. Или скоро станет сволочью. Противный, сил нет!» – подумала она и демонстративно повернулась к нему спиной. Что там говорить, она сама часто действовала четко по инструкции, не задумываясь над тем, что оставит после себя в домах и офисах тех, кому не повезло. Но сегодня...

– Значит, так, возвращаемся к себе. Ничего мы тут сегодня делать не будем.

– Как так?!

– Так. Считаю, что я приказываю...

– Ну...

– Без «ну». И перестань поливаться дорогой парфюмерией. Не та у тебя работа...

Молодой пристав надул губы. Эта тетка его раздражала. Если такая жалостливая, нечего было идти на такую работу.

Женщина-пристав быстрым шагом пошла к машине. Устроившись на пассажирском сиденье, она прикрыла глаза.

«Действительно, ну куда она это свое хозяйство денет? Видно же, что человек из последних сил тащит груз на себе. И любит их, этих своих...» – мысль задохнулась под действием удушающего аромата – это молодой пристав сел за руль.

– Куда?

– В контору. Я придумаю, что можно здесь сделать. Хоть бы несколько месяцев ей дать. – Ирина Александровна посмотрела на напарника и добавила: – И только попробуй влезть в это дело. Башку оторву.

Катя сквозь стекло витрины видела, как приставы сели в машину и уехали. «Господи, неужели пронесло?! Надо сейчас же сесть за документы – когда и где я так просчиталась?! А где деньги взять, чтобы сразу и штраф оплатить, и долг? Нет, занимать нельзя. Придется из отложенных взять...» Катя машинально приводила в порядок прилавков. Тренькнул входной колокольчик, и в магазин вошла дородная дама.

– Господи, Катюша, да на вас лица нет! Что это с вами?

– Не спрашивайте, чуть было магазин не закрыли, но я сама виновата, я так все запустила...

Дама, зажав под мышкой смешную собачонку, еще раз внимательно оглядела Катю и произнесла:

– Вам необходимо отдохнуть. Я понимаю, что оставить все свое хозяйство, – дама рукой обвела помещение магазина, – очень трудно! Но подумайте, если вы не отдохнете, очень скоро сил работать у вас не останется! Я понимаю, что значит свое дело! Помнится, мужа забывала покормить, сама

могла сутками не есть. Особенно трудно было в первые два года, когда на ноги вставали. Но... – тут дама переложила собачонку размером с бифштекс из одной руки в другую, – но теперь я понимаю, что надо было жить иначе. Надо было думать о здоровье, о нервах. Наконец, о муже.

Катя в ответ молчала. Она не умела реагировать на откровения малознакомых людей. А эта дама, приятная, хорошо одетая, появилась здесь всего лишь три месяца назад. Зашла купить какую-то безделицу, да и разговорилась. С тех пор не проходит и недели, чтобы она не зашла к Кате. Сегодня дама явно не спешила и разговор вела серьезно, почти требовательно:

– Одним словом, я вас внесу в список гостей. Там люди будут деловые, не особо охочие до шумных развлечений, да и сама поездка – не отдых. Она ознакомительная, для инвесторов, банкиров и благодетелей, которые не прочь и сами зарабатывать в серьезном деле. Но представьте – комфортабельная яхта, большая, просторная. Это вам не теплоход у Речного вокзала, это уже мировые стандарты предметов класса люкс. Река красивая, особенно в это время года. Остановки, прогулки, отлично кормят. Вы просто несколько дней побудете на воздухе, на воде и оторветесь от этой вашей рутины. Я же понимаю, куда-то улететь в вашей ситуации нереально, а дома вы не высидите – на третий день примчитесь на работу. С яхты вы никуда не денетесь. Будете спать, есть, сидеть с книжкой в шезлонге, не понимая, что читаете, и дышать

свежим воздухом. Поверьте, вернетесь другим человеком!

– Что вы! У меня столько сейчас проблем! Вы представляете, приставы! Дома...

– Приставы подождут – они тоже люди. Только иногда притворяются зверями. Дома что-нибудь согреете. Иногда это просто необходимо. Для оздоровления климата...

– Мне неудобно. Я же понимаю, что это не так просто... – Кате вдруг ужасно захотелось все бросить и прямо сейчас перенестись на эту волшебную яхту, чтобы хоть на мгновение забыть о своих заботах.

– Мне это ничего не стоит. Именно моя компания организует этот круиз. И яхта – моя. Так что мой гость – это святое. Соглашайтесь! Глядя на вас, я вспоминаю себя в самые тяжелые свои годы.

– Скажите, можно я заплачу? Мне тяжело будет отдыхать, сознавая...

– Что я вас облагодетельствовала, так? – Дама улыбнулась.

– Примерно...

– Да, захочешь быть великодушной, доброй и щедрой, так не дадут! Удивительно человек устроен. Хорошо, если угодно... Вы можете меня отблагодарить. Можно вам поручить мою собаку? Я уезжаю почти в одно время с вами, но на целых три месяца, может, чуть дольше. Но вы будете на яхте, а у меня масса деловых встреч, лететь далеко.

Катя рассмеялась:

– Господи, да я с радостью! Это же просто игрушка! – Она

протянула руку и погладила комок шелковых ниток с глазами. Комок неубедительно твякнул, а дама возразила:

– Нет, нет, Дюша поедет со мной. У меня еще одна есть, она побольше. И характер у нее сложный. И не очень она меня слушается.

– У меня есть опыт, – улыбнулась Катя.

– Будем надеяться, вы подружитесь. Только у меня к вам и пожелание, и просьба, и совет – не надевайте на собаку намордник. Во-первых, она хоть и глупая, но не злая. Во-вторых, двадцать четыре часа в наморднике ни один пес не выдержит. А в-третьих, бесполезно. Бесполезно надевать намордник, поскольку все равно он его стащит с себя. Мы это уже все пробовали. Катя, вы можете отказаться, я собаку пристрою куда-нибудь...

– Что вы, что вы! Никаких разговоров быть не может! Когда вам будет удобно, тогда и привозите, места хватит, а животных я люблю. Как вы сами могли заметить!

«Яхта! Круиз! Бассейн на палубе!» – все это Катя повторяла, пока ехала к маме – уговаривать ее посидеть с сыном Ваней. Конечно, у Кати был муж, но... Вариант с мамой был вернее.

– Хорошо. Только десять дней, не больше! И только потому, что мне тебя жаль! С таким мужем!!! Не муж, а кенар!

– Мама! – почти взывала Катя. – Не порть мне удовольствие! Я сама все знаю про мужа... Ваню я тебе привезу за день до отъезда! – Катя выскочила из родительской кварти-

ры, хлопнув дверью, и почти скатилась по перилам. Жизнь, такая запутанная, сложная, безденежная, вдруг предстала совсем иной – сказочной и беззаботной.

Чемодан Катя собирала всю неделю. Каждый вечер, придя с работы и стараясь не обращать внимания на надутого мужа, она примеряла платья, брюки, летящие юбки и босоножки. Кате хотелось, раз уж выпала такая возможность, побыть на этой яхте в образе элегантной барышни.

– Так, ну это, конечно, никуда не годится! Все старое... Уже сто лет назад вышедшее из моды! Получается, что из одежды у меня только джинсы! – восклицала она перед зеркалом. И вправду, ее гардероб хранил отпечаток былой роскоши, отпечаток тех времен, когда Катя очень неплохо зарабатывала и могла себе позволить дорогую одежду. Но те времена сменились тяжелым безденежьем, а потому срочно надо было купить хоть пару платьев, босоножки и... шляпу. Шляпа почему-то стала идеей фикс.

– Мам, займи денег... Много... – Катя опять стояла на пороге родительского дома.

– Зачем тебе деньги? – Деликатностью мама не отличалась. Особенно, когда речь шла о финансах.

– Мне надо... – Катя запнулась, поскольку знала, что мама терпеть не может пустые траты денег. А одежда как раз входила в это число.

– Тебе надо что-нибудь приличное, – мама окинула взглядом фигуру дочери, – ты совсем перестала следить за собой.

Понимаю, с деньгами сейчас сложно, да и муж...

– Кенар, – услужливо и подобострастно подсказала Катя.

– Будет тебе, – мама уловила иронию, – вот, возьми, это я за лекции получила.

Катя, борясь с неловкостью, раскрыла конверт:

– Ты что! Мне и половины хватит!

– Бери все! Купи все, что хочешь! При условии, что тебе это нужно, – мама осталась себе верна. – Купи наконец платье! Нормальное! Женственное! Купи брюки, такие цветные, веселенькие! У нас многие студентки в таких ходят! Купи одежду для женщин, а не для запутавшихся в жизни тинейджеров!

– Спасибо, – Катя чмокнула маму в щеку, – ты меня просто балуешь!

– Ничего подобного. Это расчет – трезвый экономический расчет!

– В смысле? – Катя уставилась на маму.

– Расчет на то, что на своей этой яхте ты найдешь мужа. Другого. Нормального...

– Не кенара, да? – хмыкнула Катя и по привычке громко хлопнула дверью.

Очень плохо, когда много денег. Потому что тратишь их очень быстро – подводит обманчивое чувство внезапно раскрывшихся горизонтов.

– Мне вот это шифоновое платье, только следующий раз-

мер, – Катя указала на цветастое платье какой-то безумной длины. У него был простой фасон – чуть приталенное, с маленьким рукавом и глубоким декольте.

– Хорошо, – кивнула продавщица, но Катя ее остановила:

– К нему шляпку, сумочку и босоножки. Так, чтобы подходили.

– Конечно, – успокоила ее девушка, – шляпка здесь нужна широкополая и лучше однотонная. Например, темно-синяя. Здесь же присутствует синий цвет.

– Может, еще что-нибудь посмотреть...

Выпалив это, Катя испугалась, магазин, в который она пришла, был не из дешевых.

– Вот, пожалуйста, – девушка подала в примерочную все, что просила Катя. – И еще я вам принесла брюки из последней коллекции. Это сейчас просто писк моды.

Катя бросилась примерять вещи.

Когда в зеркале появилась хрупкая незнакомка в шифоне и в шляпке, а потом, встав на каблуки, эта девушка стала выше и тоньше, а в ее руках вдруг оказалась маленькая сумочка, похожая на сложенные крылышки бабочки, тогда Катя шмыгнула носом и, понимая, что в таком виде она никогда никуда не пойдет, твердым голосом заявила:

– Я все это покупаю. И брюки тоже.

В такси она поглаживала шляпную картонку и думала, что есть платья, которые шьют только для того, чтобы они висели в шкафу. Их главное предназначение – быть!

Через неделю Катя ступила на палубу огромной и, как и положено, белоснежной яхты... Ее сопровождал огромный дог, в родословную которого вторглись шотландские овчарки. Помесь получилась забавная – высокие ноги, огромная голова с квадратной мордой и лохматые уши, беспородно лежавшие на вислых щеках. «Она страшна, как признания неверного мужа. Природа, наверное, была пьяна!» – подумала тогда Катя, но виду не подала. В конце концов, прогулка на роскошной яхте, пусть даже в компании этого избалованного монстра, не то событие, которое случается каждый день.

Давно замечено, что люди, создающие шедевры, в большей степени могут их оценить, чем те, для кого эти шедевры делают. Это соображение не всегда касается предметов искусства, но, как правило, верно в отношении средств технического прогресса. Именно конструктор точно знает степень совершенства того или иного узла. Владелец или тот, кому вдруг посчастливилось воспользоваться плодами чужой смелой мысли и виртуозного ремесла, оценивает предмет всего лишь с точки зрения удобства и эксклюзивности.

Увидев у причала яхту, Катя не могла не удивиться той простоте, даже обыденности, с которой ее знакомая произнесла: «Это моя яхта. Она очень комфортабельная». Катя о современных яхтах знала очень немного и видела их только

на фотографиях в журналах. По ее детским воспоминаниям яхты должны были быть похожи либо на маленькие катерки, которые толпились на заливах в Строгино, либо на большие широкие «розвальни», стоящие в очереди у речных вокзалов. Увидев нечто стрелообразное, с четырьмя узкими палубами, острым носом и удлиненной кормой, Катя восхищенно выдохнула: «Это должно не плавать, а летать!» Действительно, яхта отдаленно напоминала истребитель с прижатыми к бокам крыльями.

У трапа Катю встретил человек в форме, который прежде всего взял у нее поводок.

– С Гектором мы знакомы, – опасливо произнес он и на всякий случай натянул поводок. В другую руку взял багаж и собрался было проводить Катю в каюту. Но у собаки внутри что-то щелкнуло, и Гектор застыл на месте.

– Понятно, – Катя забрала поводок. – Вы отнесите мои вещи, а... мы позже придем.

Инспекцию каюты Гектор провел очень быстро – запахи, видать, были знакомыми. За несколько минут в центр огромного ковра пес стащил с диванов и кресел маленькие думочки, потом в эту кучу из приоткрытой ванной Гектор притащил большое банное полотенце и, немного потоптавшись, улегся сверху.

– Молодец. Только тебя никто не просил это делать. – Катя показала кулак собаке. Но та только прикрыла глаза, изображив изнеможение. «Черт с тобой. Спи. А я сейчас...» – она

сделала шаг в сторону двери, и тут под коленки ей ткнулась слюнявая морда. Катя от неожиданности присела. – Послушай, Гектор, ты должен побыть в каюте. Нельзя все время ходить за мной по пятам. Здесь, кроме нас с тобой, еще есть люди. И они могут бояться таких больших собак.

Кате самой был противен этот ее заискивающий, уговаривающий тон. Собака, которую она знала только полдня, уже заслуживала пинка под зад и наказания в виде строгого ошейника. Первые два часа все бесчинства огромного пса Катя относила за счет расстроенных чувств. «Хозяйка уехала, бросила на руки незнакомой тетке. Понятно, что животные все чувствуют. Вот он и...» – размышляла Катя и горестно гладила изуродованную ручку своей новой сумки.

Разлучившись с хозяйкой и войдя в незнакомую квартиру, Гектор немного потоптался на одном месте, а потом устроился на границе прихожей и чулана, который Катя превратила в гардеробную. Собака перегородила своим огромным нескладным телом проход, а голову засунула в темный чулан.

– Мам, а она все время будет здесь спать? – Сын Иван нерешительно выглянул из-за своей двери.

– Нет, мы завтра уезжаем. Вернее, уезжаю я, а этот – со мной.

Иван улыбнулся и исчез.

Гектор пролежал почти два часа, в течение которых Катя воздавала хвалу всевышнему. Наступил покой, и можно было не опасаться собачьих выходов. И то сказать – вот вам

пес, чин-чинарем, спокойно спит.

– Ладно, иди сюда, бедолага, дам тебе вкусенького. – Катя достала тонкую желатиновую косточку.

Гектор на секунду замер, потом стал собирать свое тело. Выглядело это достаточно комично – сначала поднимались высокие задние ноги, потом почему-то по очереди передние. Делалось это все очень медленно, словно собака спала на ходу. Голова Гектора все время клонилась к полу. Казалось, что она была очень тяжелой.

– Какой ты неловкий, какой долговязый! И лапы у тебя враспырку, как у щенка. А ты уже взрослый! – Катя гладила мохнатые уши и лысые брыли и умилялась. Не такой уж он противный. Ну, скажем так, просто не красавец.

От полноты чувств Катя скормила весь пакетик. И все это время она принималась к псу – от переутомления или еще отчего, но Катя могла побожиться, что от собаки пахло духами «Estee Lauder». «Хороший, конечно, у них запах. Правда, немного псиной отдает», – подумала Катя, и тут ее обожгла догадка – флакончик этих духов мог находиться только в одном месте. В сумке. В дорогой новой сумке. А сумка стояла в чулане. И только что в чулане находилась голова Гектора. Два часа она там находилась! Катя бросилась в чулан и, включив свет, поняла причину примерного поведения собаки – грызть кожаную ручку сумки и шуметь было бы весьма затруднительно.

– Ах ты, зараза, я не посмотрю, что ты чужой. – Катя ки-

нулась к Гектору. Но того и след простыл. Она обежала всю их небольшую квартиру, но ни единого собачьего следа не нашла. Постояв в задумчивости несколько минут, Катя приняла решение проверить все шкафы. Каково было ее удивление, когда собаку она обнаружила на кухне под раковиной. Огромный мосластый Гектор сложился, словно детский металлический конструктор. Наверное, именно в этот момент Катя осознала опрометчивость своих обещаний. «Все-таки за себя ручаться нельзя. Зря я ей сказала, что все будет в порядке. Не исключено, что я его утоплю», – подумала она и услышала, как Гектор вылезает из-под раковины и расправляет свои нескладные члены.

– Ладно, так уж и быть, возьму тебя на экскурсию. – Катя еще раз окинула взглядом роскошную каюту, прицепила к ошейнику поводок, и они отправились знакомиться с яхтой.

Катя прошла по длинному коридору и вышла к бассейну. Ее разместили на четвертой, самой верхней палубе. Кроме нескольких кают и бассейна, здесь еще располагался спортивный зал с сауной и небольшой бар. На носу была гостиная, огромная раздвижная стеклянная дверь которой позволяла обозревать горизонт. Катя обошла все и на лифте спустилась на следующую палубу. Там был огромный ресторан с панорамным окном, библиотека, каюты и множество служебных помещений. В отличие от верхней палубы, где царили тишина и покой, здесь чувствовалась суета. Катя загляну-

ла в ресторан – столы с дорогой посудой, хрусталем и сверкающими столовыми приборами смутили ее: «Ну, Гектор, сюда только в вечерних платьях, а у меня оно одно! Будем с тобой золушками». Катя это только подумала, но пес, видать, все понял и что-то сочувственно пробурчал.

– Вы хотели отобедать? Может, Гектору что-то дать? Воды налить? – бесшумно появился официант.

– Нет, спасибо, я чуть позже, – отказалась Катя и спросила: – Вы видели уже эту собаку?

– Да, конечно. – Официант сдержанно улыбнулся.

«Понятно, они знакомы, – не без ехидства подумала Катя, – иначе чего улыбаться, словно у тебя полный рот сухой лимонной кислоты. Скажи, Гектор, сколько народу тебя терпеть не может?» Катя на всякий случай поудобней взяла поводок и пошла дальше мимо накрытых небольших столов с напитками, легкими закусками и десертами. «Если же захочу есть – там и перекушу!» – подумала она и подошла к лифту. Рядом с лифтом было огромное зеркало, и Катя вдруг внимательно посмотрела на себя. Милая молодая женщина с красивыми глазами и с огромной уродливой собакой странной породы и масти. «Да, с тобой о личной жизни можно забыть!» Катя потрогала собачье ухо, а Гектор неожиданно признательно лизнул ей руку.

Мягкое движение лифта, и вот они оказались уже на второй палубе. Большую часть помещения здесь занимала уют-компания. Мягкие кресла, стулья, диваны – все было рас-

ставлено по зонам. Для тех, кто предпочитал одиночество, были выгорожены уютные уголки. Для больших компаний предназначались низкие угловые диваны и кресла-модули. На столах лежали газеты и журналы. «Сколько же здесь будет пассажиров!»: кают-компания была похожа на огромный зал. Чуть дальше, ближе к носу, между пассажирскими каютами и главной кают-компанией располагался маленький магазинчик, бар и офис администратора.

– Вы заблудились, вам помочь? – Женщина в морской форме вынырнула откуда-то из дверей.

– Нет, нет, я гуляю. Осматриваюсь.

– Пожалуйста. Мы рады вас видеть. И Гектора тоже.

Вторая часть предложения прозвучала неискренно.

– А ведь еще одна палуба есть?

– Да, внизу. Там находится еще один ресторан, а также каюты персонала. Вы можете туда попасть на лифте.

– Нет, спасибо, я пойду теперь погуляю по палубам.

– Конечно, тем более через несколько минут мы отчаливаем.

Катя поблагодарила администратора и вышла на яркое солнце. «Ну, вот, я отправляюсь в путешествие. Все так красиво и так роскошно... Я даже себе и представить не могла, что плавание может быть таким... Безумным». Катя погладила пса и почувствовала, что все заботы, все неприятные хлопоты, разочарования и вся та тяжесть, которую она в последнее время несла на своих плечах, все это куда-то отсту-

пает. И когда раздался гудок, а Гектор оглушительно гавкнул, когда прозвучала команда отдать швартовы, когда эта махина вдруг вздрогнула и неожиданно легко заскользила вдоль причала, Катя наконец поверила, что она все-таки покидает Москву.

Впервые всех своих попутчиков Катя увидела за ужином. Выбрав для ужина темно-синие брюки, белую футболку с морским принтом и короткий пиджак, купленные накануне отъезда, она привязала Гектора в каюте к устойчивому, прикрепленному винтами столу и отправилась в ресторан. Катя вошла в зал, где за круглыми столами, уставленными тонким фарфором, сидело совсем немного людей. Она сразу поняла, что гости разбиты по принципу «свои со своими», и немного смешалась. Она здесь никого не знала, ни с кем не успела познакомиться. Катя в нерешительности остановилась, и к ней тут же подошел помощник капитана:

– Екатерина Васильевна, прошу за наш стол, – и галантно предложил ей руку.

– С удовольствием. – Катя перевела дух. Меньше всего ей сейчас хотелось попасть в неловкую ситуацию. Скорее бы уже прошли эти первые дни, а потом участники поездки перезнакомятся и определятся с формой взаимоотношений. Впрочем, за столом, где главным неофициальным распорядителем был все тот же помощник капитана, беседа текла плавно, общий язык был найден быстро, и большую часть

вечера Катя провела в радостном оживлении. «Как же мне повезло! И как хорошо, что я согласилась. Здесь, на яхте, совершенно не хочется ни о чем думать. Как будто эти широкие полосы воды, которые каймой окружают яхту, отделили вчерашние будни от сегодняшних праздных дней!» – думала Катя и улыбалась словам своих собеседников. Откинувшись на высокую спинку мягкого кресла, с бокалом вина в руке, она внимательно, словно в театре, разглядывала зал и людей. Гостей на яхте было не очень много. Вот за дальним столом сидит группа из трех мужчин. Еще утром Катя столкнулась с ними на палубе и тут же дала им прозвища – Толстый, Тонкий и Лысый. Все трое, судя по громким разговорам, были владельцами одной компании. Компания была небольшой, и результаты этой поездки могли поспособствовать качественному рывку. Катя это поняла по нескольким репликам, которыми обменялись мужчины. Одеты они были хорошо, но с явным перекосом по части мужской «ювелирки» – массивные кольца, цепочки на шее, огромные часы. «Первые большие деньги – вот они все на виду, – усмехнулась Катя и тут же себя одернула: – А я тогда себе сразу шубу купила. И две пары туфель. Самых дорогих. Тут же, как первую серьезную прибыль получила. Вместо того, чтобы отложить на «черный день», на закупки... Все у всех одинаково. И потом эти мужики вполне симпатичные. Сами со мной заговорили».

Действительно, они познакомились утром во время Катиней экскурсии по яхте.

– А вы как сюда попали? Наверное, от Артемова? – Толстый оказался очень любопытным, и это любопытство сдерживало только присутствие огромного Гектора. Как только Толстый начинал фразу, внутри собаки что-то булькало.

– Р-р-р-р... Уррр... бу-бу... – бормотала собака.

– Наверное, тоже по строительству? Конкуренты... – с подозрением нахмурился Тонкий.

– Р-р-р... – ответил Гектор.

– Морской коктейль – изумительный. – Лысый протянул Кате подносик с тарталетками. Он был явным чревоугодником.

– Аум, – издал звук пес, и тарталетка исчезла в его пасти.

– Мы, наверное, пойдем, извините. Еще обязательно побеседуем, – наконец вставила свое слово Катя.

Какое счастье, что эту картину не видел молодой симпатичный мужчина, одетый неброско, но с шиком. С первого же взгляда он производил впечатление очень воспитанного и интеллигентного человека. По его мягким, почти вкрадчивым манерам, можно было предположить, что за его спиной большой опыт дипломатической работы – каждый жест, каждое слово являло собой образчик хорошего тона и светскости. При этом мужчина имел абсолютно праздный вид. Он успел уже со всеми познакомиться, сказать каждому что-то приятное, посмеяться над собственной шуткой так заразительно, что все без исключения присоединились к нему. Вместе с тем в поведении этого гостя чувствовалась власть.

Иногда казалось, что его доброжелательное и приятное обращение со всеми не что иное, как часть работы. «Большой начальник. Ну, наверное, президент какой-нибудь компании. Или вице-президент. Да, пожалуй, вице. В его поведении не так много чопорности и важности. Но вес чувствуется сразу. И цену себе знает. И одет... Вот одет он просто шикарно. И совершенно неприметно. Нет, он пожалуй, большой начальник. Чиновник», – подумала Катя, наблюдая за этим пассажиром. Обращаясь к Кате, этот импозантный мужчина заметил:

– Если бы я знал, что на борту судна будет собака, я бы послал вместо себя заместителя. Не очень люблю собак, даже, можно сказать, боюсь. Этот же экземпляр и вовсе имеет вид вурдалака. Или собаки Баскервильей. Но... как человек доброй воли, смирюсь с таким соседством. Кстати, если вас, – тут мужчина сделал паузу и выразительно кивнул на пса, – и его будет мучить качка, дайте знать. У меня отличное английское средство есть. Сами понимаете, англичане в этом толк знают – самые большие любители морских прогулок.

Катя всем видом показала, что обиделась на «вурдалака», а вслух поблагодарила за предложенную помощь. Она поняла, что этой фразой господин давал понять, что в случае необходимости она может на него рассчитывать. Еще тогда утром, на палубе, Катя обратила внимание, что мужчина часто уединяется для разговора по мобильному телефону, говорить он старался тихо, но по лицу было заметно, что раз-

говоры эти для него важные. В какой-то момент Катя заметила растерянность на его лице, но это было лишь мгновение. «Этот человек из-за чего-то очень переживает. Его энергичность и веселость – это даже не маска, это форма. Привычка. Навык». Катя вдруг почувствовала себя таким проницательным наблюдателем. И вообще, ступив на палубу этой роскошной яхты, она словно поменялась – нет, ей не захотелось играть в кого-то, ей, освободившейся от гнета забот, вспомнились простые развлечения – милая болтовня, наблюдения и праздность.

Последняя, и самая большая, группа пассажиров опоздала. Всего на несколько минут, но капитан все равно нервничал – яхте нужно было миновать шлюзы до определенного часа. Наконец на причале появился микроавтобус. Из него с шумом выгрузилась группа из пяти мужчин и пяти женщин. На палубу они поднялись быстро и шумно. Мужчины все еще что-то обсуждали, женщины в дорогих деловых костюмах, на высоких шпильках и с ноутбуками в портфелях все больше помалкивали. Из разговоров, которые не прекращались на палубе, стало ясно, что для этой группы поездка – мероприятие давно запланированное, давно подготовленное, а сами участники давно знакомы, но работают в разных местах. Потолкавшись на палубе, группа быстро разошлась по своим каютам. Дамы последовали за боссами. «Секретарши вышколены», – подумала Катя.

– Эскорт-услуги. Дорогие. Очень дорогие. – Тонкий бес-

шумно возник за Катиной спиной.

– Вы думаете? – не удержалась та. Внешне молодые женщины выглядели очень убедительно в роли секретарей-помощников.

– Ой, голубушка, вас так легко обмануть, – хмыкнул Тонкий.

Катя посмотрела вслед последней из девушек. Та легко шла на высоченных шпильках, слегка покачивая бедрами в узкой синей юбке. Светлые волосы, стянутые на макушке темной резинкой, делали образ совсем безобидным. «Интересно, неужели Тонкий прав?» Катя почувствовала, что путешествие будет не скучным, а скорее забавным. Наблюдать за людьми оказалось весьма увлекательным занятием.

Яхта теперь превратилась в тот самый Ноев ковчег, который вместил в себя почти все разновидности человеческих натур, а также редкий собачий экземпляр. Катя, путешествующая в одиночестве, имела массу времени и возможностей для своих наблюдений. Облюбовав себе место на палубе, под большим зонтом, она исподтишка разглядывала попутчиков. Троица коллег – Толстый, Тонкий, Лысый – пребывала в возбужденном состоянии и вела бесконечные споры. Из доносившихся реплик Катя сделала вывод, что особого согласия меж ними нет, а на роль лидера претендует Тонкий. Его скептицизм, резкость и откровенная подозрительность не только не давали возможности спокойно обсудить необходимые вопросы, но и хоть немного расслабиться.

– Слушай, никто ничего сейчас не решает! Давай вернемся из поездки и тогда уже будем принимать решения! Ты раньше времени напрягаешь всех. Смотри, какая природа! Пойди выпей что-нибудь, закуси! – Лысый, с вечным пирожком в руке, одергивал скептика. В ответ тот только огрызался, призывая на помощь Толстого. Толстый был дипломатом. Он, не желая ссориться с Тонким, кивал в знак согласия, но речи произносил прямо противоположного смысла:

– Хорошая яхта! Вот, дай бог, все устроится как надо, куплю себе такую! А пока – буду наслаждаться!

В отличие от Тонкого, который старался держаться особняком и почти ни с кем не заговаривал, Толстый успел перезнакомиться почти со всеми. Особенно его заинтересовала группа «боссов» и «секретарш».

– Это хорошая идея. Секретарши. Кстати, мужики претендуют на все жилье. – Толстый выразительно посмотрел на Тонкого. – Пока ты наслаждаешься теориями заговора, эти парни скорешились с малым в дорогих штанах.

– С этим? – Тонкий внимательно посмотрел на того самого молодого мужчину, который при всем напускном благодушии производил впечатление хозяина ситуации. – Ну, это ничего не значит! Тендер и прочее...

– Я тебя умоляю, – протянул Толстый, – какой тендер?! Ты знаешь, кто это?! Ты думаешь, эти просто так выпясывают перед ним?! Парень известный, вопросы решает на раз-два. При известном подходе...

– Много берет? – Тонкий состроил мину циника.

– Понятия не имею. – Толстый на какое-то мгновение задумался. – Но мужик очень влиятельный. Даже странно, что он сам поехал. Обычно зама посылает своего. Правда, говорят, там, наверху, торопят... А насчет взяток – нет, не знаю, насколько жаден. Но, судя по часам и обуви... Надо подружиться с ним во что бы то ни стало...

Лысый пребывал в состоянии меланхолического обжорства. Поскольку на яхте можно было выпить и закусить у любого спасательного плотика – стюарды с подносами появлялись практически ниоткуда и выполняли любое желание, Лысый жевал все время. Даже внешний вид деликатесных закусок возбуждал аппетит, но Лысый поедал все с таким лицом, словно страдал булимией. «Какой смысл столько есть и не получать удовольствия?» – думала Катя, наблюдая за ним.

К ней эта троица отнеслась дружелюбно и, невзирая на рычание и ворчание Гектора, с первого же дня старалась развлечь беседой, принести прохладный сок или пригласить на прогулку вечером по палубе. Даже Тонкий, который все больше наставительно бурчал, в обществе Кати принимал вид вполне светский.

К господам в сопровождении секретарш Катя почти не присматривалась. Мужчины были на удивление похожи – немного лишнего веса, хорошие костюмы, неброская обувь ручной работы. Последнее обстоятельство Катя могла и не заметить, но Толстый обратил ее внимание и пояснил:

– Когда-то хотел в Лондоне заказать такие, но ужасно дорогие.

Катя подумала, что, видимо, все, включая «секретарш», у этих людей дорогое. А этот завидует. Так, немного. Но завистью здоровой, придающей ускорение. Гораздо больше Катю заинтересовали спутницы. «Неужели это все-таки не секретари?» – спрашивала она себя и тут же поражалась собственной наивности. Девушки были все как на подбор высокие, стройные, гибкие. Ухоженные тела, легкий загар, блестящие волосы, кожа, белоснежные зубы – во все это были вложены немалые деньги. Так помещают инвестиции в недвижимость, ожидая в будущем неплохую прибыль. Катя внимательно рассмотрела платья, туфли и украшения. Все было в меру дорогое, но ни на одном предмете не было и налета вульгарности. Тот, кто этих девушек готовил к круизу, знал толк в хорошем тоне.

Порок привлекает внимание, особенно если внешне скромн и добропорядочен. Явный диссонанс заставляет усомниться в очевидном и толкает на сложные умозаключения, которые, как очень скоро выясняется, по сути своей, просты. «Вряд ли это проститутки. В смысле, дорогие проститутки. Скорее, это как гейши в Японии. И красивы, и в светскости им не откажешь, и по-английски поговорят, и чайную церемонию проведут...» Катя старательно разглядывала девушек. Она пыталась найти хоть какие-то признаки нравственного падения. Но девушки были скромны, вежливы, ну, мо-

жет, излишне громко смеялись иногда. Но, в конце концов, это же яхта, река, солнце – почему и не посмеяться.

Близость порока щекочет нервы, заставляя проявлять нескромное любопытство, и побуждает к непривычному анализу чужих поступков. «Вот эта, светленькая, с длинным хвостом. Какая она красивая – просто загляденье. Я – женщина, и то не могу глаз отвести – глаза и улыбка великолепны. И знает цену себе. Манеры, жесты! Такое впечатление, что этих девушек воспитывали в Институте благородных девиц. Вот как она попала сюда? Почему она имеет дело с этими мужиками? Как случилось, что они проводят время с этими явно женатыми мужчинами?» Катя уже слышала лживо бодрые телефонные отчеты: «Лен, здесь столько работы. Звонить не буду, некогда!»

«Почему эти девушки не пошли в театральное училище, в модели, на худой конец?! Впрочем, может, она и работала моделью, а потом что-то случилось...» – Катя, сгорая от любопытства, строила догадки. Только однажды она, бросив взгляд на сидевшую в стороне блондинку, поняла, когда и как эта тайная жизнь вдруг проступает в облике. Уединившаяся девушка была в тени большого навеса и думала, что ее никто не видит. Она смотрела на воду, и по ее осанке, посадке головы, положению плеч, по малоуловимой, но все-таки заметной гримасе можно было прочесть и усталость, и, что самое главное, брезгливость. «Это работа. Тяжелая. И они так и относятся к ней. Но можно было выбрать и дру-

гое занятие!» – несмотря на банальные выводы, которые Катя делала, интерес к мелочам чужой жизни не давал ей покоя. Истоки поступков, решений она пыталась найти в интонациях, жестах, взглядах. Катя не могла себя представить на месте этих девушек, а потому детали этих отношений будоражили ее воображение: «Мужчины вежливы, но снисходительны, покровительственно неторопливы – они знают, что эта красивая девушка все равно будет принадлежать им. Все оплачено».

...Сейчас, лежа в каюте, тихонько пиная ногой упрямого Гектора и прислушиваясь к неуместному в столь раннее утро женскому смеху, Катя отдавала должное проницательности, а может быть, и опыту Тонкого. С его выводами она согласилась уже на второй день, когда «боссы» поменялись «секретаршами». Вся эта группа взяла за привычку занимать пространство у бассейна, оттуда теперь частенько доносились женский смех, визг, мужской гогот. Катя там почти не появлялась. Только однажды, когда выяснилось, что собака сбежала с нижней палубы и, бесшумно пристроившись у шезлонга, сжевала тонкое парео одной из девушек. Катя по громким возгласам, испуганному визгу и смеху поняла, где надо искать собаку. Пришлось подниматься и извиняться. Несмотря на неловкость, как будто она заглянула в спальню, Катя с интересом оглядела присутствующих. Все девушки были почти обнаженными – лоскутки купаль-

ников почти ничего не скрывали, рядом с бассейном валялись красивые босоножки на высоченных каблуках, причем босоножки имели вид почти вечерний – сплошь золотые и серебряные ремешочки. Девушки расположились на мягких шезлонгах, листали журналы, курили и совершенно не принимали участия в мужских разговорах. Мужчины сидели за большим квадратным столом в плавках, разбирая какие-то документы. Они были так поглощены своим делом, что ни на спутниц, ни на Катю не обращали никакого внимания. Катя поймала Гектора, который уже плотоядно смотрел на перепончатые босоножки, и вернулась на свою палубу. «А какие у них духи! Просто убойные!» – подумала Катя. Порок имел дорогой и хороший запах.

Шум с верхней палубы обычно доносился после четырех часов – заканчивались утренние совещания, проходил обед с последующим тихим часом, и компания начинала веселиться. Оглушительные всплески воды, крики, смех...

Хорошо, что яхта была огромная и всем остальным, не желающим быть зрителями громких забав, находилось вдоволь места. Катя обычно с книжкой сидела на своей палубе и, раскрыв ее на одном и том же месте, наблюдала за пейзажем за бортом. Берег был лесной, почти необжитый, только когда вдруг местность становилась холмистой, появлялись поселения с аккуратными домиками под разноцветными крышами.

– Так это мы из-за вас делаем остановки два раза в день?

Чтобы собачка погуляла? – Толстый теперь, невзирая на спящего в тени зонта Гектора, часто присаживался рядом.

– Да, – кивнула Катя. – Но я так понимаю, что у этого важного господина тоже какие-то дела на берегу?

– А, да. Он с местным начальством встречается. Вы не подумайте, мне нравится, что есть возможность лишний раз на берег сойти. Я – человек сухопутный.

– Какие аккуратные здесь деревни, – как-то заметила Катя.

– Что вы хотите, недалеко от столицы. К сожалению, не везде так.

Потом они разговаривали о делах, впрочем, говорил в основном Толстый.

– Вот еще два дня, и мы прибудем на место. Там, конечно, предстоит поработать...

– А что вы там будете делать?

– Как? Вы не знаете, зачем все мы тут собрались?

– Ну как, знаю... Я знаю, что все должны осмотреть место, где уже начались работы по одному проекту. Я, правда, подробностей не знаю... Я случайно здесь. По знакомству... – Кате не очень хотелось посвящать постороннего в свои обстоятельства.

– А, понятно. Отдохнуть. – Толстый кивнул. – Все равно смотрите в оба. Не каждый день рождение нового моря увидишь.

– Как рождение?

– А так. Конечный пункт нашего плаванья – так называемое Новое море. Оно появилось путем искусственного затопления огромного участка земли.

– Как затопления?

– Вы что же, никогда об этом ничего не слышали?

– Да нет, слышала. – Катя вспомнила вдруг дискуссии по этому поводу, которые велись несколько лет в газетах и на телевидении. Даже был организован комитет по спасению Зеленой Долины. Зеленая Долина – так называлось то место, где разливалось море.

– Вот туда-то мы и плывем. Там огромные возможности – нужен порт, нужна инфраструктура, жилье опять же.

– Так что же, там кто-то жил? Там был город, деревни?

– Нет, нет, слава богу, там никого не пришлось переселять. Места там были низкие, топкие, болотистые, и эти болота были такие обширные, что подумывали об осушении. Но опыт шатурских земель показал, что это не самое правильное решение. А тут подоспел проект моря. Посчитали, прикинули – получалось выгодно. И место такое, шлюзы недалеко – в общем, все складывается как надо.

– И большое море получилось? – Катя попыталась представить, как это выглядит. Река, по которой они плыли, была широкая, леса, обрамлявшие ее, из лиственных превратились в хвойные – сосны, ели. Высокие песчаные берега на солнце становились прямо медовыми.

– Говорят, огромное.

– Жалко.

– Что – жалко? – не понял Толстый.

– Жалко лес. С болотами всегда лес соседствует. Вот его и жалко.

– Да, вы правы. Лес жалко, тем более мне говорили, что при затоплении захватили больший кусок, чем предполагалось ранее. А там тоже леса.

Катя молча смотрела на уютный спокойный пейзаж. Даже не верилось, что еще день, и перед ними раскроется огромная водная гладь, не имеющая конца и края. Она поежилась.

– Вам понравится, – Толстый понял все по-своему, – это такой размах, что дух захватывает. Впечатление на всю жизнь. Я знаю, – он поправился, – мне рассказывали. Пойдемте в бар, а то что-то холодно стало.

– Мне надо пса в каюту отвести, – Катя кивнула на Гектора, который выставил свои длинные мохнатые лапы из-под шезлонга. Безмятежность спящего пса была обманчивой – глаза были приоткрыты и следили за каждым движением.

– Да, конечно, я вас провожу. – Толстый вежливо помог ей подняться, и они покинули палубу. Эта беседа весь вечер у нее не выходила из головы. Она теперь внимательно прислушивалась к разговорам и понимала то, что еще вчера казалось несущественным.

Есть лица, которые нравятся всем. Сразу. С первого взгляда. Есть лица, которые очень хочется рассматривать, на-

столько они гармоничны. Есть лица, которые красивы не столько чертами, сколько доброжелательностью и добротой. А есть лица, в которых есть это все. Сразу. И строгая правильность черт, и гармония, и удивительная мягкость во взгляде. Отдельно можно выделить мужественность волевого подбородка и удивительную синеву глаз. «Какая интересная внешность! И какие манеры! Все безукоризненно!» – восхищалась Катя, поднеся к лицу книгу и делая вид, что читает. На самом же деле она рассматривала того самого молодого мужчину, с которым все так явно хотели подружиться.

На второй день плавания Катя, как заправский стратег, произвела рекогносцировку местности и пришла к выводу, что соперниц у нее нет. Ну, кроме тех самых «секретарш», которые, безусловно, противники серьезные, но не на этой площадке. На этой площадке она королева и отныне должна вести себя соответственно. «В кои-то веки повезло. Ни одной свободной тетки. Либо – при должности, как та самая администратор, либо... Либо уже оплачены...» – приободрилась Катя. Надо отметить, что никогда до этого она не замышляла ничего подобного. Все ее романы, включая последний, приведший к браку, начинались с активности мужчин. Катя же на эту активность реагировала осторожно. Но сейчас шальной речной воздух, крики чаек и... шикарное платье со шляпой поменяли ее настроение. «Вот только собака, ну, совершенно здесь не к месту. Во-первых, Гектор слюнявый, во-вторых, бестолковый и навязчивый, а в третьих, этот

самый мужчина, судя по всему, собак терпеть не может». Катя вздохнула и стала ждать удобного момента.

Момент представился. Информация о загадочном Новом море, на берегах которого почти все присутствующие собирались зарабатывать деньги, дала ей повод.

Вечером Катя надела длинную белую юбку с красивым шитьем и маленькую вышитую блузочку с открытыми плечами. «Вот, такая поселянка! Доверчивая и наивная». Катя оглядела себя и отправилась в ресторан. Гектор, несмотря на взбалмошный характер, был существом наблюдательным. Когда Катя открыла дверь, чтобы выйти из каюты, пес вдруг дрыгнулся, застонал и, распластав лапы, изобразил умирающего.

– Перестань, ты меня не проведешь. Я уйду, а ты будешь сидеть в каюте, пока я не поужинаю. – Катя показала Гектору язык и вышла. Уже в последний момент она увидела, как собака приняла нормальное положение и положила огромную голову на лапу.

Катя сознательно опоздала на ужин. Ей хотелось, во-первых, войти и быть всеми замеченной, во-вторых, уже по опыту она знала, что, как только она войдет и остановится в замешательстве, кто-нибудь из мужчин вскочит и предложит ей место рядом. Быстрее всех в этом своеобразном состязании галантности успевал тот самый чиновник. Так, на обед опоздала одна из «секретарш», и он усадил ее рядом... За соседним столиком бесновался один из «боссов», тот самый,

который пригласил эту «секретаршу». «Так-так, а надо было место рядом придержать, если хотел, чтобы твоя девушка, пусть и оплаченная, не сидела где-то в другом месте...» — злорадно тогда подумала Катя. Пара же — чиновник и «секретарша» — выглядела так, что зритель без особого труда мог себе представить продолжение этого обеда и его последствия. Девушка была ослепительно хороша, прекрасно себя держала, а чиновник был неотразим в своей галантности. «Хм, пожалуй, я что-то зарвалась. Вообразила себе невесть что! Он — влиятельный, красивый, богатый. Я — это я». Увиденное испортило Кате вечер, и она не пошла на палубу, не спустилась в бар и даже всплакнула, уткнувшись в подушку. Она вдруг все о себе «вспомнила» и решила, что совершенно не стоит изображать из себя соблазнительницу. Катя всхлипнула и приготовилась сладко зарыдать, как почувствовала запах псины. Лежащий доселе на ковре Гектор подошел к ней и тщательно лобызнул своим огромным языком.

— Ах ты... Пожалеть меня пришел? Да? — Катя на всякий случай отодвинулась — повторное облизывание было чревато принятием продолжительной душистой ванны. Она посмотрела на нелепую собаку и вдруг рассмеялась: в конце концов, несколько дней неожиданного отдыха — это ли не подарок судьбы? И зачем расстраиваться, когда можно просто пользоваться моментом и обстоятельствами? А что из этого получится? А, не важно... Может, что-нибудь и получится! Заснула Катя уже в хорошем настроении, а Гектор аккуратно

устроился у нее в ногах.

Сейчас, войдя в ресторан, она специально замешкалась, остановившись рядом со столиком чиновника.

– Составите компанию? – Тот вскочил молниеносно, опережая Толстого и помощника капитана. Впрочем, до их столиков было достаточно далеко.

– Спасибо, с удовольствием. – Катя легко опустилась на предложенный стул.

– За вами поухаживать? Очень удачная рыба сегодня, просто как у мамы. – Мужчина произнес это так просто и без жеманства.

– Тогда рыбку. – Катя огляделась вокруг и удовлетворенно улыбнулась. Первая часть плана удалась.

Пассажиры в полумраке ресторана были увлечены ужином, и она могла с легкостью продолжить знакомство.

– А вы тоже? Вы тоже на море посмотреть? – через десять минут пустой болтовни обратилась Катя к соседу.

– Я – не посмотреть. Я – показать. Я вхожу в министерскую комиссию по реализации проекта «Новое море». В том числе занимаюсь привлечением частных инвестиций. Почему вы спрашиваете? Хотите построить порт?

Катя с возмущением подняла глаза и увидела, что мужчина улыбается.

– Нет, я частный предприниматель, только у меня другой профиль. А здесь я так, благодаря знакомству.

– Я думал, что вы собачья няня...

– Нет, – Катя на секунду замешкалась, – это моя собака, и мне очень не нравится, когда ее ругают.

– Ну извините, я не хотел обидеть это ваше чудовище. А вы, значит, предприниматель... Я разочарован... Профессию собачьих нянь я приравниваю к таким опасным и полным самопожертвования, как космонавт или пожарный. Ну, впрочем, предприниматель – тоже неплохо. А кто же этот ваш знакомый, благодаря которому вы здесь? – Мужчина многозначительным взглядом окинул зал.

– Во-первых, не знакомый, а знакомая...

– Только не говорите, что это одна из этих прелестных и опасных дам, которые в бикини проводят целый день у бассейна.

– Да нет же, – Катя вдруг смутилась, – знакомая сейчас где-то в Мексике, у нее там дела. Она меня уговорила поехать отдохнуть. И попросила за собакой присмотреть.

– Слава богу! Знакомая! А не знакомый! – шутливо воскликнул мужчина. – Я уж думал, что интуиция меня подводит. Вы производите впечатление очень положительной особы.

– Эти дамы – поначалу тоже, – Катя кивнула в сторону столика, где сидели сильно декольтированные «секретарши».

– Меня не проведешь, – мужчина скривил рот.

– Я смотрю, какого пассажира на этой яхте ни возьми – каждый сразу все понимает. Опыт, надо полагать... – съязвила Катя.

– И опыт тоже. Но опыт бывает разный. Бывает наработанный, а бывает – вследствие наблюдений. Позвольте вас уверить, мой опыт – из второго разряда.

– Мне, в общем-то, все равно, – Катя смутилась.

– Не думаю. Приличные женщины больше всего ревнуют мужчин к «неприличным» женщинам. И знаете, какие слова они обычно говорят?

– Какие?

– Ладно бы была порядочная женщина! А то ведь последняя шалава!

Катя рассмеялась – интонация сварливой жены была воспроизведена в точности.

– Вы любите запах дезинфицирующих средств, шум пылесосов и мельтешение перед глазами? – Мужчина по-прежнему был очень серьезен. Катя задумалась.

– Пожалуй, что нет.

– Вот и отлично. Я, знаете ли, тоже не люблю. Давление подсказывает. Мне, – Катин собеседник доверительно заглянул ей в глаза, – от мамы передалась куча болячек, как то: больные нервы, гипертония, мигрени и пищевые аллергии. Я себя стараюсь беречь.

– Это правильно, – кивнула Катя. Она не очень понимала, как реагировать на слова мужчины. Вроде все серьезно говорит, но шутка чувствуется. «Ну а как о собственных хворях мужчина может сказать?! Только шутя. Впрочем, мог бы и промолчать – я его впервые вижу, по сути!» Катя старатель-

но мешала ложечкой десерт.

– Так я к чему? Давайте пообедаем вдвоем? Завтра мы должны остановиться в одном маленьком городке. Он очень милый. Мы немного погуляем, а потом пообедаем? – Мужчина спокойно посмотрел на Катю.

– И вы мне расскажете про море?

– Если захотите. Хотя я бы предпочел беседовать о чем-нибудь приятном. Соглашайтесь, тем более на яхте в этот день устраивают генеральную уборку, я ведь не зря вас спросил, любите ли вы жужжание пылесоса.

– Хорошо, пообедаем. Но собаку придется взять с собой. Я ее не оставлю. Во-первых, мало ли что учудит, а во-вторых, жалко. Пусть побегает. – Катя с удовольствием приняла приглашение. Ее внезапный план как-то сам по себе претворялся в жизнь. С момента замужества это был первый ее обед наедине с незнакомым мужчиной.

– Ну что ж. Собака так собака... Но только на поводке.

В отношениях мужчины и женщины есть волшебный период намеков. Они, эти намеки, во всем – в улыбке, жесте, повороте головы, неожиданно короткой юбке или запахе духов. Этот период похож на оттепель в середине февраля, когда вдыхаешь неожиданно помягчевший воздух и гадаешь: «Неужели весна?! Или только кажется...» А еще этот волшебный период похож на начало охоты. Противостояние добычи и охотника, здесь все зависит от выдержки, от нее

же зависит, чем закончится этот поединок – превратится ли охота в шутку, которую хочется побыстрее забыть, или станет частью жизни.

«На завтрак я не пойду! Лучше еще немного поваляюсь в постели, и потом, надо все-таки привести себя в порядок и одеться так, чтобы не смешно выглядеть. Некоторые же наряды меняют...» Катя подняла повыше подушку и стала рассматривать открытый гардероб. Там на плечиках она развесила все свои нарядные платья и то самое, купленное на мамины деньги. «С другой стороны, особенно наряжаться не стоит – сразу подумает, ради него. И потом, мы же по городу еще гулять будем, а значит, каблуки отменяются, а раз каблуков нет, тогда и платье не наденешь. Вот черт!» Катя придумалась, потом решительно вылезла из-под простыни и прямо в пижаме стала перед большим зеркалом.

Конечно, Катя была к себе несправедлива. Нет, ноги могли быть длиннее, а бедра уже. Запястья могли быть не такими широкими, а щиколотки – не такими массивными. Все это было так – природа наделила Катю фигурой совсем не идеальной, но та же самая природа со щедростью одарила ее прекрасной кожей, светлыми, почти пепельными волосами, серыми – не синими, не голубыми, а настоящими серыми – глазами. У Кати был высокий чистый лоб, ямочки на щеках. Когда она улыбалась, обнаруживалось такое обаяние, милое и мягкое женское очарование, совсем не напускное, а естественное, органичное, и, видя это, почти каждый мужчина

уже не замечал приземистой фигуры или широких ладоней с крупными пальцами и квадратными ногтями. Он видел только глаза, улыбку, на которую невозможно было не ответить такой же широкой и искренней улыбкой. А еще Катя умела говорить. Это ведь только кажется, что говорить легко – достаточно употребить слова к месту. Нет, этого совсем не достаточно. Катя обладала редчайшим даром говорить просто, с ровными интонациями, но при этом в ее голосе обязательно присутствовали эмоции, искренние, относящиеся прямо к слушателю. Эта эмоциональная адресность неизменно подкупала, превращая Катиного собеседника если не в друга, то в искреннего доброжелателя. Мужчинам очень нравилась эта мягкость. Ум и находчивость они обнаруживали позже, удивляясь, что эти качества отнюдь их не раздражают. Катя не была агрессором, она оставляла довольно пространства для маневра всем тем, кто ее окружал, а это создавало комфортную обстановку, притягивающую очень многих. Вот и сейчас на яхте ее окружили вниманием мужчины, которым доставляло удовольствие опекать эту приятную, милостивую женщину. «Вроде бы и того... приударить можно – яхта и все такое... Да рука не поднимается. Уж больно... трогательная», – поделился с друзьями Толстый.

Катя уже битый час примеряла платье. Все ей не нравилось. «Кремовая розочка. Только на бисквит сажать!» – хмурилась она, глядя на себя в зеркало. Наконец она достала новое платье и успокоилась. «Вот, платье шикарное, но впол-

не по-отпускному, плечи уже немного загорели!» Она отступила на шаг, и вдруг яхту качнуло, дернуло, что-то заскрежетало, а по палубе забежали люди. Гектор, почему-то сегодня спящий в ванной комнате, зарычал. Катя бросилась к окну и увидела, что яхта швартуется к берегу. «Так, приплыли! – Она вдруг почувствовала, что сердце забилося. – Нет, сразу я не пойду, дождусь, пока все сойдут на берег. У всех на виду идти с собакой и в этом платье?.. Катя кинулась в ванную, быстро причесалась, потом стала собирать сумочку. С палубы доносились голоса – вот сошли на берег «боссы» и «секретарши», затем троица – Толстый, Тонкий, Лысый – пошла по причалу к набережной. Катя увидела, как Толстый все время оглядывался на яхту и трап. Катя поняла, что он ищет ее. Она наконец уложила все в сумочку, с трудом застегнула замок, бросила последний взгляд в зеркало и... И, скинув новое сногшибательное платье, натянула на себя розовые легкие брючки и черную футболку, не глядя сунула ноги в черные балетки.

– Гектор, вставай. Гулять, мальчик мой.

Катя вышла из каюты, чувствуя неожиданную благодарность к собаке. «Вот, я просто иду гулять с псом. Как это делаю каждую остановку. И никто не заподозрит, что у меня свидание». Чувствуя, что краснеет под взглядом команды, собравшейся в полном составе на палубе, Катя пробежала по трапу и вышла на причал. «Господи, а его-то и нет!» Она внимательно огляделась. Действительно, на причале ни-

кого не было, только несколько человек из числа гуляющих. Катя увидела, что дорога в город идет вверх и старые каштаны, которые уже почти отцвели, образуют что-то вроде аллеи. «Вот я сейчас спокойно пойду туда, к каштанам, там похожу немного с собакой и вернусь на яхту». Она медленным шагом двинулась вперед, моля бога, чтобы ее никто из пассажиров не увидел. Почему-то сейчас Кате казалось, что это «свидание» и все могут догадаться о последствиях такого «обеда».

«Я совсем спятила – какие последствия?! Человек даже не пришел, а я уже о последствиях...» – промелькнуло у нее в голове.

– Катя, куда вы?! Я, как последний дурак, делаю вам знаки, кривляюсь, чтобы вы хоть как-то обратили на меня внимание, а вы идете себе и даже не замечаете меня! Заняты этим своим монстром.

– Это вы?! А где вы были?!

– Как – где?! Вот здесь и был! На причале. Только чуть дальше отошел, чтобы не смущать вас. Вдруг вы не хотите, чтобы нас видели вместе?

Катя вдруг покраснела. Она действительно этого не хотела, но по поведению Юрия поняла, что за этим мероприятием не последует никаких неприятных событий.

– Юра, я вас не видела. Я так растерялась, когда сошла не берег, и еще команда, там, на палубе...

– Да, я тоже обратил внимание, потому и спрятался за

спинами аборигенов. – Юрий рассмеялся, потом помолчал и произнес: – Наконец вы назвали меня по имени. Я уж думал, вы его не расслышали.

– Расслышала, только мы как-то с вами урывками все больше... – Катя улыбнулась и произнесла с расстановкой: – Я знаю, что вас зовут Юрий!

– Ну и отлично! Пойдемте в город. Он – маленький, но очень приятный, и здесь есть потрясающе вкусное заведение. Называется «Графин».

– Вы знаете, я удовлетворюсь и шашлыком в уличной кафешке. – Катя покрепче ухватила Гектора за поводок.

– Что так?

– Боюсь, вот с этим сокровищем не пустят.

– Не бойтесь. Я употреблю все свое влияние, – Юрий весело посмотрел на нее.

Этот город повис вишней на большой изогнутой ветке реки. Дорога от причала до города была не широкой, не длинной, но очень тенистой. Каштаны, которые высадили здесь много лет назад, поднялись одинаково высокими, подтянутыми. Земля под ними сейчас была усыпана розово-сливочными цветками и напоминала разоренный кремовый торт.

– Смотрите, как будто кто-то потоптался на пирожном, – Юра указал на упавшие лепестки.

– Да, жалко, что они так быстро отцветают, – кивнула Катя.

Они шли не спеша, разглядывая окрестности. Гектор, измученный качкой на яхте, почувствовал свободу и не давал Кате и шага ступить. Он норовил положить ей лапы на плечи, пытался толкнуть боком.

– Господи, да отпустите вы его. Черт с ним, надеюсь, он меня не сожрет.

– И я надеюсь, – пробормотала Катя, отцепила поводок и подумала: «Слава богу, а то сложно выглядеть элегантно и непринужденно рядом с теленком». Гектор почувствовал, как ослабился поводок, и со всех лап бросился в близлежащие кусты. Раздался треск и хруст.

– В этом городе нет ни одной достопримечательности – вообще. Ни единой, – сказал Юрий и каким-то просветленным взглядом проводил исчезающую собаку. – Как вы думаете, пес дорогу назад найдет?

– Должна вас огорчить. Найдет. А что касается достопримечательностей – такого не может быть. Должен быть хотя бы один памятник Ленину. Если, конечно, его не снесли. Ну и память о каком-нибудь почетном гражданине. Если из классиков культуры и науки сюда кто-то заезжал.

– И памятника Ленину нет. Я сам удивился, когда впервые здесь побывал.

– А исторический центр? На таких реках города строятся издавна.

– Центр есть, но там нет ни одного памятника архитектуры. Ну, такого, чтобы с мемориальной доской.

– А год основания вы знаете?

– Поинтересовался – начало девятнадцатого века.

– А как же обязательный гостиный двор, благородное собрание или купеческий клуб? Наконец, земская больница?

– У них даже лабазы не сохранились. Сам проверял во время вынужденных прогулок по городу. Я ведь в такой поездке не первый раз. Многие хотят Новое море посмотреть и прикинуть свою выгоду.

– И что? Город полностью современный?

– А вот и нет. Сохранились только жилые дома. Все как один старые, еще начала девятнадцатого века. Совсем немного многоэтажек, но они стоят на отшибе и выделены в отдельный район. Вот мы сейчас будем идти по улицам, и вы сами все увидите. Ездить по улицам здесь глупо – улицы короткие и очень узкие.

– Интересно.

– Да, городок малюсенький и ужасно забавный. Как будто декорация на «Мосфильме».

Катя и Юрий дошли до городских ворот – белокаменное низкое строение с узкой калиткой и символическими створами, на которых был изображен невразумительный герб – и рыба, и лев, и колосья, переплетенные с лучами приплюснутого солнца. На гербе было еще одно изображение, которое привлекло внимание Кати.

– Вы видели? – она ухватила Юрия за рукав.

– Что?

– Там, на воротах, изображен кенгуру.

– Бог с вами. Это кролик.

– Какой кролик?

– Обычный. С ушами и лапами.

– Вы думаете?

– Да, я его разглядывал уже однажды.

– Вот, эти ворота – это разве не достопримечательность? –

Катя указала на ворота.

– Новодел, – лаконично прокомментировал спутник, – для туристов, которых высадили на том самом причале, откуда мы с вами начали путь. Вы своего монстра на поводок берите. Мы входим в город, а здесь и старики, и дети, и беременные, простите, женщины. Они могут испугаться.

Войдя в город, Катя сразу поняла, о чем говорил Юрий. Город был свернут словно булочка «улитка» – маленькие домики, маленькие палисадники, маленькие дворики, церковь и та выглядела игрушечной, все это заворачивалось в улочки и заканчивалось маленькой площадью. Попавшему сюда казалось, что он великан, очутившийся в стране лилипутов.

– А здесь здорово! Я ожидала увидеть некоторую разруху, неаккуратность, а тут очень уютно! – воскликнула Катя. Ей понравились чистые улицы, аккуратные садики и скверы.

– Я вам объясню, почему здесь очень чисто. Понимаете, этот городок генетически не расположен к нищете. Здесь, видимо, всегда смотрели за порядком. Смотрите, даже ставни на домах свежевыкрашенные. У всех разом, заметим.

– Вы наблюдательны.

– Работа у меня такая. Быть чиновником – это не только бумаги с места на место перекаладывать.

Услышав какой-то вызов в тоне Юрия, Катя улыбнулась:

– Я так никогда не думала и тем более не говорила.

Прогулка по городу была небольшой и забавной. Они провели на этих милых улицах ровно столько времени, чтобы не устать, но проголодаться.

– Вот вам и «Графин», – они подошли к обычному жилому дому, построенному где-то в начале двадцатого века. Низкий, в свежей побелке первый этаж радовал глаз яркими занавесочками, на втором этаже были небольшие балкончики с цветочными горшками. В горшках краснела «купеческая» герань.

Катя поняла, что ее спутника здесь очень хорошо знали, потому что поприветствовать их вышел не только метрдотель, но и администратор, а официантки расплылись в улыбках и норовили пройти мимо и поздороваться. Некоторое смятение вызвал Гектор, который на хвосте собрал все, что можно собрать в оврагах, – ошметки прошлогодних листьев, тополиные почки, мелкий хворост.

– Скажите, а эта собака... – начал было метрдотель, но его опередил администратор:

– Вам ваш любимый столик?

– Да, пожалуй, а собачку... – Юрий замялся, но, посмотрев на Катю, продолжил: – Куда-нибудь рядом...

– На балкон. Привяжем к перилам.

– За балкон не боитесь? – Юра смотрел куда-то в сторону.

– Простите?

– Нет, ничего...

– Собачке сахарная косточка за счет заведения. – Метрдотель как-то строго улыбнулся, и Катя догадалась, что собак в этот ресторан не пускают вообще.

– Не волнуйтесь, он смирный, – сказала она, стараясь не обращать внимания на Юрия, который издал какой-то неприличный смешок.

– Не волнуюсь. Наш ресторан и не такое видал – в старину пьяные купцы на лошадях заезжали прямо в зал.

– Хорошее сравнение, – Юрий указал на Гектора, – в этом... э-э-э... лице мы найдем все сразу – и пьяного купца, и лошадь.

Сам Гектор все это время имел вид первоклассника, которого родители привели в «Детский мир». Катя с содроганием отметила его неподдельный интерес к белым скатертям.

– Он хорошо будет себя вести, – твердо сказала Катя.

– Я вас провожу к вашему столику.

– Отлично, как хорошо, что вы понимаете все с полуслова. – Юра взял Катю под руку. – Да, мы сядем рядом с балконом, оттуда такой вид хороший открывается.

Их посадили за круглый стол. Со своего места они могли видеть часть улицы и парк. Занавеска легко покачивалась, то открывая белую стену, то закрывая весь дверной проем.

На балконе уютно устроился Гектор, растопырив по обыкновению непослушные лапы, он с удовольствием лизал большую круглую кость. Иногда, когда легкая занавеска долетала до него и тихо опускалась на мохнатую спину, пес начинал нервно оглядываться и старался уцепиться за нее зубами. Катя заметила это, но решила не паниковать раньше времени.

– Здорово как здесь! – Она огляделась. Посетителей было немного.

– Да, хорошее место. Домашнее, и кормят отлично. Я сюда каждый раз прихожу...

Почему-то от этой фразы настроение у Кати испортилось. Она понимающее кивнула и начала молча листать меню.

– Я вам посоветую взять мясо с луком. Очень простое блюдо, но вкусное... Оно всем нравится.

– Не знаю даже...

– Возьмите, возьмите...

Катя дернула головой:

– Спасибо, но я лучше сама выберу. Ведь у всех вкусы разные...

Прозвучало это резко, и Юрий несколько растерянно пожал плечами. «Может, кому-нибудь из них это мясо и понравилось, а я не хочу», – мелькнуло в ее голове. И хотя Юрий ничего особенного не сказал, Катя вдруг, безо всяких на то оснований, мысленно предъявила ему претензию: «Мог бы и деликатнее быть и про «всех» не говорить». Катя для вида полистала меню и неожиданно спросила:

– А почему вы именно меня пригласили на обед?

Юра удивленно на нее посмотрел:

– А кого я должен был пригласить. Этого толстого с кучей золота на шее? Или вы мне предлагаете девушек? Так они уже оплачены по тарифу. И заметьте, не мной.

Катя вспыхнула: получалось, что ее пригласили «на безрыбье»! А еще получалось, что, была бы возможность, он бы заплатил за девушку из эскорта! «Тогда что я здесь делаю?!» – про себя произнесла Катя.

– Не стоит задавать дурацких вопросов. Из этой моей фразы вы должны понять, что свой ответ я тоже считаю дурацким. – Юрий смотрел на нее с улыбкой. – У женщин просто врожденная способность заострять ситуации. Я пригласил вас, потому что вы мне симпатичны, как бывают симпатичны и приятны соседи, сослуживцы, попутчики. Мне понравилось, как вы держитесь. С вами приятно, как с человеком, который умеет себя вести и который с искренним интересом относится к окружающим. Чтобы вы совсем успокоились, скажу еще, что очень милы. С такой, как вы, очень лестно находиться рядом.

Все это было произнесено спокойным тоном и сопровождалось улыбкой.

– Извините, я что-то растерялась. Спасибо, что вы мне показали этот городок и что привели сюда. И я обязательно попробую мясо с луком. Тем более я ведь сегодня еще ничего не ела. Даже завтрак проспала.

Обслужили их быстро. И закуски, и горячее, и десерт – песочная корзиночка с кремом, – все было очень вкусно. За едой они обменивались впечатлением о поездке, чуть-чуть посплетничали о попутчиках, и наконец Катя задала вопрос:

– И часто вы на это море заинтересованных лиц возите?

– Нет. Нечасто. Но уже случилось. А очень скоро необходимость в этом и вовсе отпадет.

– Почему?

– Потому что все участки, все подряды будут разобраны. Желающих вложить сюда деньги много. Вы представляете, что будет здесь через пару лет. Это же целый город с нуля построить, а положение города – исключительное. На берегу моря.

– А ваша задача...

– Моя задача – внятно разъяснить, чем может помочь государство, что оно потребует взамен и что будет, если возможные договоренности будут нарушены. Иногда бывает тяжело – конкуренты за сладкие господряды готовы и себе глотку перегрызть, и мне кучу проблем создать.

– Понятно. – Катя посмотрела на балкон. Занавеска теперь и вовсе трепыхалась на улице. Ощущался пыльный запах, тревожно зашумели деревья, а голоса на улице стали резкими, словно прохожие чего-то испугались.

– Так обычно начинается дождь. – Катя старалась рассмотреть небо.

– Пусть будет дождь, – Юрий улыбнулся, – без нас никто

никуда не уплывет.

– Без вас – да. А мое исчезновение никто бы и не заметил.

– Это вы зря. По крайней мере, два человека забеспокоились. – Как только он произнес эти слова, прямо у них над головой раздался треск. – Ничего не напоминает?

– Гром... Обычный гром...

– Так лопается спелый арбуз.

Катя ничего не сказала, она смотрела, как намокает и тяжелеет тонкая занавеска, которую преддождевой ветер опять выгнал на балкон, как на чугунных перилах повисают бусы дождевых капель, как деревянный дом напротив становится темно-бурым. С улицы повеяло прохладой – дождливой, летней, чуть-чуть зябкой. Радостный Гектор бросил кость и занавеску, встал на задние лапы и попытался разглядеть бегущих внизу людей. Катя почувствовала, как еще уютнее стало в этом ресторанчике, и ей вдруг захотелось забраться с ногами в это мягкое кресло, свернуться в клубочек и наблюдать за дождем. На какое-то время ее отвлекла стихия, обрушившаяся на городок, но было еще что-то, что зацепило ее внимание: «Что он такое сказал? Он сказал... нет, я даже не поняла, но обратила внимание... Гектора надо будет увести как-то незаметно, что ли...»

– Вы думаете о чем-то важном? – Юрий внимательно посмотрел на нее.

«Господи, да если бы он знал, о чем я думаю! Я думаю о том, что Гектор сожрал часть занавески. Интересно, кто-

нибудь это заметит?» Катя в последний момент состроила гримасу.

– Нет, я просто думаю, как мы пойдем под дождем. Да еще с собакой! И во сколько отплывает яхта.

– Не волнуйтесь, я же сказал, без нас не отплывут.

– Ах, ну да! Вы же важное лицо, – язвительность Катя смягчила улыбкой.

– Да, – невозмутимо согласился Юрий, – я – важная персона. И от меня многое зависит. И, честно говоря, мне это очень нравится. Кстати, и из-за привилегий в том числе.

– То есть вы пребываете в полном согласии с собой.

– Я бы сказал, в абсолютном.

– И не испытываете никакого душевного дискомфорта?

– Кто вы, любопытная незнакомка? Вот мы сейчас разговариваем по душам, а завтра я о себе буду разный вздор читать?

– Я не имею отношения к прессе. Я – отдыхающая. Не хотите отвечать – не надо.

– Шучу. Что тут может быть тайного! Никакого дискомфорта я не испытываю. Видимо, так устроен. Умею себя уговаривать. В рамках разумного и в пределах морали. За эти рамки я стараюсь не выходить.

– А если придется?

– Пока – обходилось. Ну а если придется, все равно постараюсь.

– Вы так уверены?

– Катя, дело в том, чтобы добиться успеха – в моем случае сделать успешную карьеру государственного служащего, – надо прежде всего обрести власть над собой. Тоталитарную. Всеобъемлющую. Это только дураки думают, что весь смысл – во власти над другими. Ничего не получится, пока внутри тебя не поселится диктатор. Так вот, по моим наблюдениям, это самое сложное. И не у всех получается. А я на это иду с легкостью. Я умею себя подчинять. То, что для других тяжкий труд, – для меня естественное и привычное занятие.

– И как же вы так научились?

– У отца. Он в этом смысле был уникален. Он был необычным человеком. В нашей семье почему-то считалось, что я пошел не в него, а в маму. Что именно старший сын, мой брат, – его полная копия. А я и не спорил. Но я был наблюдательным и не мог не восхищаться отцом. Жаль, что у нас так мало времени, я бы вам рассказал о нем.

Катя поняла, что последняя фраза вежливо прекращала беседу на эту сугубо личную тему.

– Это хорошо, когда есть такая связь между родителями и детьми. – Катя сделала паузу, словно подводя черту под разговором, и через несколько мгновений продолжила: – Я в одном журнале читала про опыт над крысами. Представьте, поместили крыс так, что к еде они могли пробираться только по воде. Через несколько дней грызуны социально расслоились. Одна из крыс никогда не плавала за едой – она ждала, пока еду принесут другие. Эту пищу она съедала, и только по-

сле этого остатки доедали «пловцы». Так продолжалось долго. Крыса-доминант заняла прочное положение в этой иерархии. Через месяц ученые провели медицинские обследования своих подопечных. И вы знаете, что оказалось?

– Что?

– Что крыса-доминант в отличие от крыс-«пловцов» страдает от сильнейших стрессов. Что со здоровьем у нее, скажем так, не совсем все хорошо. И знаете почему?

– Догадываюсь. Лопать надо меньше и больше двигаться.

– А вот и нет. От страха потерять доминирующее положение. Как известно, социальная структура никогда не бывает прочной.

– Мораль?

– Мораль. Но, может, она к вам и не относится, – Катя очаровательно улыбнулась.

Юра внимательно на нее посмотрел.

– Так все-таки кто вы? Кто вы – умная, наблюдательная девушка, которая читает статьи о психологии лидеров?

– В каком смысле – кто?

– В прямом. Кто вы? Чем занимаетесь?

Катя помолчала, а потом произнесла:

– У меня свое дело.

– Какое? Что вы делаете?

– Стараюсь это свое дело окончательно «не завалить».

– Кризис?

– И, похоже, системный. Так что сейчас я набираюсь сил

для дальнейшей борьбы за процветание – Катя улыбнулась.

– Я все понял, вопросов больше не задаю.

– Нет, ничего секретного, просто я здесь на отдыхе, набираюсь сил перед решающим броском.

– Вы одна?

Катя на секунду задумалась, а потом ответила:

– Можно считать, что да.

– Ох, мне кажется, я нашел, что так давно искал!

– А что вы искали?

– Такую, как вы!

– Зачем вам такая, как я? – Катя рассмеялась, но почувствовала, что заливается румянцем.

– Я наконец женю своего лучшего друга!

Катя на секунду опешила, а потом расхохоталась. Смеялась долго, даже посетители соседних столиков начали поглядывать в их сторону.

– Вы уже уходите? – К их столу подошел метрдотель. Катя даже не заметила, как Юра сделал нужный жест.

– Да, если можно, вызовите такси.

– Конечно, машина сейчас будет. Э-э, может, вызвать машину побольше? – Метрдотель деликатно не смотрел на балкон, где Гектор самозабвенно, под шум дождя опять принялся жевать тюль. – А пока будете ждать, могу предложить вам кофе и нашу наливку, комплимент ресторана.

– С удовольствием, правда? – Юра весело посмотрел на Катю.

– Конечно, – кивнула она.

– Вы курите, – когда метрдотель отошел, Катя дотронулась пальцем до хрустальной пепельницы на углу стола, – мне дым совсем не мешает.

– Спасибо. Я не курю. Бросил.

– Какая у вас сила воли! Решили вести здоровый образ жизни?

– Нет, из-за жены. Я бросил курить из-за жены.

– А-а. – Катя постаралась не обнаружить на лице ни единого чувства. По тону, которым было сказано про жену, можно было подумать о том, что жены уже нет в живых. – Курить тяжело бросать, – вежливо сказала Катя, вложив в свои слова двойной смысл.

– Это точно, – ответом, скорее, был вздох, чем слова.

Обратный путь занял у них совсем немного времени. Совместными усилиями в машину запихнули Гектора, который в зубах зажал-таки кусок занавески, уселись сами и в считанные минуты доехали до причала. По трапу они бежали бегом – крупные капли дождя всюду молотили асфальт.

Ужин этого дня Катя пропустила – позвонили с работы, и она целый вечер разбиралась в запутанной истории с лишними накладными. Перед сном она еще раз мысленно перебрала все возможные неприятности, которые могли ждать ее в Москве, а засыпая, вдруг подумала: «Нахал! Женить друга! А он, наверное, вдовец. Да, скорее всего. И как он это произ-

нес: «Бросил курить из-за жены». Так просто, без траурного пафоса. Жалко его...» Заснула она крепко и проснулась из-за громких голосов и шумного оживления на палубе.

– Ух, конца и края не видно...

– А как же тут яхта пристанет?!

– Надо взять фотоаппарат, снимки нужны качественные.

Мужские голоса гремели, яхта мягко кренилась набок, слышался плеск воды и шум ветра.

Катя, наскоро собравшись, выскочила на палубу:

– Мы уже приехали?!

– Приплыли, – захохотал Толстый.

– Девушка на море решила посмотреть, – на все лады заговорили ее спутники.

– Проходите вперед, посмотрите, какая красота, – помахал ей рукой Юрий. Он стоял у самого бортика и что-то объяснял присутствующим. Все расступились, Катя подошла к поручню. Река вдруг сделала поворот, и в излучине образовалось огромное, без краев, озеро. Это Кате так показалось. На самом деле то, что она приняла за берега, были искусственными насыпями песка, которые специальные машины вскоре ровным слоем уложат на дно.

– Это не берега. Это так, временные явления, – пояснил Юрий, – а берегов не видно. Это море.

Катя внимательно смотрела на воду – по ее воспоминаниям, настоящие моря имели обычно плоский вид. Казалось, что глубина где-то там, ближе к горизонту, а здесь, куда еще

падает взгляд, мелководье. Сейчас же перед ней оказалась огромная чаша воды, а дно этой чаши уходило вниз на многие километры. Катя крепче взялась за поручни.

– Как будто под ногами пропасть. Мне кажется, это оттого, что мы знаем о суше, которая ушла под воду. Мы представляем, что все огромные деревья ушли туда. Долина была глубокой, а теперь все это пространство заполнено водой, – стоящий неподалеку Тонкий повернулся к Кате.

– Неприятное ощущение. Даже не знаю почему... Но оно огромное!

– Это не окончательные границы. Видите лес? – Юрий указал на выступающую косу, покрытую лесом.

– Да.

– Это тоже уйдет под воду. И очень скоро.

В этот момент один из пассажиров задал какой-то вопрос Юрию, и тот, достав карту, стал что-то объяснять. Ветер растрепал его волосы, легкий загар делал его еще симпатичней, и Катя вдруг почувствовала необъяснимую нежность. «Красивый, удачливый, неглупый. Вдовец. И дети есть, наверное, маленькие. Мне так его жаль», – подумала она и, чтобы отвлечься, стала смотреть на берег. Та самая коса, которую уже приговорили стать морским дном, сияла на солнце – песок медового цвета, сочная зелень подлеска, сизые кроны сосен и елей. Все было свежим, нарядным, молодым. И все это вскоре превратится в илистое дно, сгнившие коряги, тину и мусор, который люди привыкли скрывать в воде...

– Мы сейчас пройдем правым берегом – именно там планируется порт, потом подойдем к участкам, которые отвели под промышленные предприятия. В плане их два. А потом... Потом мы с вами прогуляемся по этому лесу. В последний раз.

Мужчины не выказали никакого энтузиазма – им намного интересней были будущий порт, завод, причалы. Они сюда не для прогулок ехали. А Кате вдруг захотелось вдохнуть соснового воздуха, провалиться ногами в мох и потоптать пружинящую бурую хвою.

– Я очень хочу выйти на этот берег! Тем более Гектору погулять надо. – Катя посмотрела на Юрия. Тот, занятый разговором, кивнул и чуть улыбнулся.

В конце концов на берег сошли все. Мужчины о чем-то спорили, ежеминутно останавливаясь. Катя обогнала всех – ее тянула собака, которая почему-то стала очень беспокойной. Гектор метался, что-то вынюхивая, и норовил улизнуть в кусты. Катя держала поводок, но пес словно взбесился. Казалось, его висячие уши поднялись в охотничьем азарте.

– Стой, стоять, – ежесекундно одергивала его Катя.

– Слушайте, собака просто от рук отбилась! Давайте мне поводок! – Юрий шел рядом, не отставая от нее ни на шаг.

– Да, видимо, засиделся, а может, что-то чувствует, – отвечала Катя, – а поводок я вам не дам. За эту псину я головой отвечаю.

– Ну как хотите.

– Странно, лес практически хвойный, а влажно. Где сосны, там всегда сухо, песок.

– Рядом море.

– Вы бросили своих подопечных? – Катя кивнула на оставших мужчин.

– Я им больше не нужен. Они теперь долго будут переваривать увиденное и услышанное. Они дальше и не пойдут.

Он оказался прав – вскоре голоса мужчин затихли, и теперь все пространство оказалось заполненным тишиной. Катя, ведомая Гектором, почти пробежала несколько метров, потом остановилась. Только сейчас ей стало понятно, что в этом практически диком месте она осталась наедине с незнакомым человеком. Вот уже не слышны голоса остальных пассажиров, скрыта за ветками яхта, кусты и маленькие деревца вдруг стали пугать своей таинственностью – кто там мог прятаться-скрываться, ни за что не узнаешь, пока не подойдешь близко. В голове возникли фразы из газетной криминальной хроники: «Тело молодой женщины... И только благодаря собаке...» Катя с трудом сдерживалась, чтобы не пуститься наутек. Она остановилась, пытаясь найти предлог, чтобы повернуть назад. Даже присутствие Гектора не могло ее успокоить. Она повернулась было к Юре, но именно в эти несколько мгновений уловила ту самую тайную жизнь этого места, которая по воле человека становилась явной. Катя замерла, прислушалась, пригляделась. Этот лес уже скоро исчезнет с лица земли. А пока потрескивали ветки, шуршала

травы, падали листья.

– Вы слышите? – повернулась Катя к Юре.

– Я вижу, – тихо ответил он и осторожно указал на небольшую поляну. Катя пригляделась и охнула. Лес действительно жил – на ветках было необычайно много птиц, которые не кричали, а только спархивали стайками и пересаживались с ветки на ветку, по овражкам шуршали ужи, струились в песке ящерицы, по траве колобками двигались ежи. Ежей было много – Катя даже удивилась, пока не вспомнила о том, что потомство у этих зверьков обычно многочисленное.

– Что это? – она не смогла скрыть страх.

– Звери уходят, – Юрий это сказал очень тихо.

– Как – уходят?!

– От воды. Они чувствуют беду. И уходят. Их земли уже затоплены. На этой косе все те, кто смог спастись при затоплении. Их немного.

– И куда же они?

Юра помолчал, а потом произнес:

– Пойдемте назад.

– Куда они уходят? – Катя по-прежнему не двигалась с места.

– В никуда. Там дальше река, правее приток, левее и сзади – море. Им деться некуда.

Катя молчала. Потом спросила:

– Вы видели, куда выводок ежей пошел?

– Вон они, под кустом. Пока мы здесь, они никуда не де-

нутся – бояться. Тем более собака...

– Надо их поймать.

– Как поймать.

– Руками.

– Они же колючие.

Катя посмотрела на Юрия так, что через секунду он снял свою куртку и рубашку.

– Я понял. Ловить буду курткой, складывать в рубашку. –

Помолчав, он спросил: – Вам сколько надо?

– Все нужны. Все, которых сможете поймать...

Юрий сначала снял куртку, затем клетчатую рубашку и, оставшись в одной футболке, приступил к охоте...

Когда они вышли на высокий берег, внизу у прибрежной кромки их ждал катер с помощником капитана.

– Вы куда запропалились?! Все уже на борту, – было очевидно, что внешний вид этих двоих удивил его. «Еще бы. А где вы еще увидите чиновника в грязных джинсах и с узелком, полным ежей?» – усмехнулась про себя Катя. – Где вы так испачкались?! – помощник капитана поспешил им навстречу.

– Везде. Вот. – Юра старался одновременно удержать равновесие, помочь Кате, не уколоться об иголки, торчащие сквозь ткань, и увернуться от Гектора, заинтересовавшегося ежами.

– Что это?

– Ежи. Спасенные от затопления. Была бы еще пара соро-

чек, спасли бы зайцев, лис и волков. Если, конечно, они здесь еще водятся. Позаботьтесь, чтобы это все зверье не сдохло, пока мы до Москвы доберемся. Все рекомендации получите вот у этой молодой дамы, – Юра указал на Катю.

Катя, пытаясь сделать невозмутимое лицо и оттирая глину с голубых джинсов, неожиданно солидно произнесла:

– Так, вы мне отдайте ежей и возьмите за поводок Гектора. Так будет лучше.

– Нет уж, вы эту псину сами ведите. Она меня не любит. Да и я симпатий особенных не питаю...

– Вы сейчас ежей покалечите...

– Не покалечу...

– Возьмите у меня собаку! – прикрикнула Катя.

– Ладно, ладно... – Юрий передал ей узел с ежами, а сам взял Гектора за поводок.

– Держите его крепче. Гектор – собака сильная.

– Не волнуйтесь, держу! Давайте спускаться, а то вон народ развлекается на яхте, глядя на нас.

Катя на мгновение подняла голову и увидела, как на палубе столпились все пассажиры. Кто-то кричал, кто-то размахивал руками. «Черт с ними...» – подумала она, но что-то ей очень не понравилось в этой картинке. Что именно, она не сообразила, но напомнило то ли кино, то ли какую-то игру...

– Гектор!!! – вдруг закричала она. Одновременно с ее криком раздался сухой треск, похожий на грозу и звук лопающегося арбуза. Пес молниеносно метнулся к ней, увлекая за со-

бой Юрия, который крепко держал собаку за поводок. Мокрый песок поехал под его ногами, и он упал. «Будет дождь. Откуда ни возьмись. А он прав, гроза похожа на звук лопающегося арбуза», – подумала Катя, с удивлением глядя на то, как помощник капитана бросается на землю. На земле лежал важный чиновник, член комиссии по освоению Нового моря. Глаза его были прикрыты, чуть ниже плеча по белой футболке растекалось красное пятно.

Глава 2

Люди, вышедшие купить всего лишь тюбик крема для рук, кухонное полотенце или трусы, даже не подозревают, ареной каких страстей является магазин, который они посетили. Они даже не подозревают, что, покупая какую-либо мелочь, они невольно втягиваются в непростую, полную драматизма историю. Но все движения, все вихри, все полутрагичные и гротескные отношения скрываются за искусно оформленными витринами и безукоризненным поведением персонала, а потому снижают остроту удовольствия от занятия, именуемого модным словом «шопинг».

Высокое и узкое здание торгового центра «Люкс» появилось на этом московском перекрестке всего лишь несколько лет назад. Облицованное темным стеклом, оно было похоже на огромный флакон мужской туалетной воды. Крыша пентхауса, чуть выступающая над стенами, только прибавляла сходства. Люди, которые владели этим зданием, не понимали в специфике начатого дела ровным счетом ничего. Откуда бы взяться пониманию, если на этом месте всегда был рынок, и люди эти были его хозяевами. Рынок и торговый центр – это как две ступени развития человечества, как две эпохи становления. Как неолит и палеолит. На рынке все было понятно – один этаж, прилавки, мясо, рыба, молоко, оптовик, фермер, покупатель – продавец, санэпидемстанция, штраф,

прибыль. В торговом центре было все несколько сложнее – пять этажей, множество павильонов, множество арендаторов, единые правила торговли, ассортимент, конкуренция, покупатель, санэпидемстанция, штраф, прибыль. Электрик Саша, доставшийся торговому центру от рынка «по наследству», по этому поводу выразился так: «Хоть петрушка, хоть чулки – быстро денежки плати!»

Построили торговый центр быстро – очень хотелось успеть к Новому году, к самому горячему времени. Поторопились, а потому эскалатор вез покупателей только до второго этажа, дальше надо было ехать на лифте, который затерялся в подсобных закоулках. Благодаря такой несообразительности и спешке, долгое время считалось, что у торгового центра всего два этажа. В этой уверенности покупатели упорно пребывали, несмотря на то что гляцевый фасад высокого здания явно говорил о пяти этажах. Пережив несколько голодных месяцев, арендаторы, заехавшие на третий, четвертый и пятый этажи, быстро снялись и уехали. «Делать мне нечего – кормить чужих!» – это говорил каждый, кто вывешивал объявление о закрытии. Еще через полгода владельцы приняли несколько нелегких, волевых решений. Первое: четвертый этаж сдать балетному училищу для организации учебных классов – благо места много.

– Посудите сами. Почти центр Москвы. Огромное современное здание, прекрасно оснащенное всеми коммуникациями, вентиляцией, кондиционерами. Этаж, который мы вам

предлагаем, полностью отделан, только, если захотите, сделаете выгородки. А уж плата и вовсе мизерная. – На переговоры к директрисе училища, престарелой балерине, поехал сам Евграфов, директор торгового центра.

Тощенькая директриса с нарисованными бровями курила сигаретку и строила глазки отставному полковнику. Впрочем, согласие дала быстро, как только узнала цену за квадратный метр – весьма божескую.

Пятый этаж стоял пустым, но посмотреть его приезжали часто – несколько ресторанов и точек сетей быстрого питания упорно пытались сбить высокую арендную плату.

– Вряд ли, – многозначительно отвечал Евграфов просителям, – вряд ли мы пойдем на уступки в этом вопросе. Если вы сюда заедете, прибыль будете получать огромную. Все наши покупатели – ваши клиенты.

Валентину Петровичу Евграфову в наследство от служивого прошлого достался хорошо выбритый затылок, всегда аккуратные седые виски и поджарое сильное тело. Высокий, подтянутый, с лицом киношного борца за справедливость, на женщин Евграфов производил неизгладимое впечатление. Все, даже самые молодые, кокетничали с ним напропалую, но Валентин Петрович был неуязвим. И не только потому, что был женат (мало мы знаем женатых ловеласов?!), а потому что в его сердце был идеал. Идеал был списан с давней знакомой, которая уже давно перестала быть похожей на

свои юношеские фотографии, переехала в другую страну и вообще стала бабушкой. Жизнь Валентина Петровича была «многослойной» – там, в глубине, был идеал, а на поверхности – вся остальная жизнь, включая профессиональную деятельность, где во главе угла стоял порядок. В бытность свою директором рынка он требовал от старух-зеленщиц выравнивать пучки укропа и петрушки по одной, начерченной им самим на прилавке линии. Только на его рынке продавцы носили фартуки одного фасона, а белые халаты мясников украшала эмблема.

– Да где ж мы такие возьмем? – воздевали руки к небу курские бабы.

– Сбрасывайтесь по четыреста рублей, говорите размеры, и будет вам форма, – невозмутимо отвечал Евграфов. Смекалистый директор уже посадил в подсобке пару девушек-молдаванок, готовых шить все подряд.

– Твои строчилки ткань воруют! – орали бабы, стараясь натянуть на мощные бюсты униформу.

– Не они воруют, а вы приbedняeтeсь. Зачем писать, что размер пятьдесят два, когда тут не меньше пятьдесят шестого? – Евграфов с прямою главнокомандующего указывал на грудь фермерши.

На его рынке порядок поддерживался системой абсолютно варварских штрафов – малейший беспорядок у прилавка или в подсобке стоили торговцу нескольких тысяч. На все негодующие возгласы директор пожимал плечами: мол, не

нравится – уходите! Не нравилось, но никто не уходил. Рынок Евграфов превратил в восточное чудо торговли – пахло специями, которые мозаичными горками одинаковой высоты громоздились на прилавках прямо у входа. Расчет был верный – посетитель уже на входе окунался в волшебный мир пряных запахов, не видел кровавых мясных лотков, грубых творожных чанов, накрытых марлей, не вдыхал тяжелый рыбный дух. Евграфов был умен и сметлив. Дальше он велел поставить ряды сухофруктов – в красивых, обязательно плетеных корзинках (не нравятся наши плетеные корзинки – мы вас не держим!) курага, чернослив, изюм шести оттенков, связки хурмы и, наконец, услада дам – цукаты – дольками, кусочками, ромбиками. Соусы – ткемали, сацибели, нашараб и прочие карри – занимали маленькие палаточки и продавались в маленьких бутылочках, словно дорогие снадобья.

– Что вы продаете? Вы продаете ручную работу? Она может стоить дешево? Нет, она стоит дорого, но каждый имеет право ее попробовать. Не ставьте мне здесь эти лоханки! Здесь не оптовая торговля неизвестным пойлом. У нас – рынок, базар! – Евграфов учил восточных людей тому, что они знали и так, но на московских просторах, продуваемых ветрами, подзабыли, утратили, на что махнули рукой, вдруг решив, что здешние жители, незнакомые с неторопливостью и обстоятельностью южного распорядка, не нуждаются в таком трепетном и уважительном подходе.

Покупатель, вдохнув ароматы корицы и черного перца,

сглотнув слюнки при виде засахаренных фруктов, попадал туда, где торговали соленьями. Капуста, огурцы, моченые яблоки и соленые арбузы вместе с черемшой и виноградными листьями соседствовали с мини-пекарней. Не было человека, который бы не купил там самсу или лепешку с кунжутом. Держа в руках горячие булки, люди шли дальше. Их аппетит не был удовлетворен, его только раздражили. И вот теперь им предлагали колбасы и ветчину, шпикачки, копченую грудинку и окорок. Молоко, сметана, сыры – все благоухало, все находилось в надлежащем порядке, все проверялось. Директор рынка обходил ряды два раза в день.

Евграфов был здесь царь и бог. Он здесь карал и миловал, его здесь ругали за глаза и старались как можно шире улыбнуться в лицо. Втихомолку костерили и... вставляли в очередь, чтобы арендовать на этом рынке прилавки. Торговать у Евграфова было престижно.

Бронзовый памятник корове прямо у центрального входа на рынок Евграфов поставил за свои деньги.

– Э-э-э... почему именно корове? У нас что, мало достойных... людей, деятелей? – Глава муниципальной единицы приосанился, словно намекая на то, что он готов позировать скульптору.

– Именно корове... Району или городу это обойдется бесплатно...

Когда все бумаги были подписаны, когда скульптор, по-

смеиваясь над прямолинейным директором рынка, закончил «лепить» буренку, когда фигуру отлили и водрузили на постамент перед входом, к Евграфову подошел Джаник, торговец зирой.

– Почему? – Джаник был немногословен.

– Не она – нечем бы торговать было. Это не животное. Это – завод. – Евграфов был так же скуп на слова. А может, не хотелось распространяться, что дело почти всей его жизни, такой сложной и переменчивой, оказалось успешным, потому что люди едят мясо, творог, молоко и сыр.

Памятник полюбился горожанам. Бронзовый коровий хвост терли «на удачу», на рожки иногда вешали сумку, в широкий нос с крупными ноздрями малыши лезли пальцами, сопя от усердия в таком сложном деле, как исследование окружающего мира. Евграфов был счастлив.

Только один человек не разделял его радости. Только один человек старался не замечать бронзовой коровы и морщился при слове «рынок». Этим человеком была молодая жена Евграфова, Майя.

– Я не могу понять, что ты так злишься, – увещевал ее муж.

– Рынок – это стыдно! Понимаешь? Это – вчерашний день! Оглянись – рынков уже нет! Везде мегамоллы, торговые комплексы. А рынков нет! Нет! Их снесли, и твой снесут!

– Наш. Наш рынок. Ты забыла, как приезжала на этот ры-

нок из своего Тамбова картошку продавать? И стояла в черных от земли перчатках. И маникюр не могла сделать месяцами – земля въедалась!

– Даже если бы хотела забыть, так ты не дашь! Я не хочу помнить!

– Жаль, хорошее было время. – Евграфов улыбался, вспоминая их роман. Круглолицая, с носиком-уточкой, бойкая Майя ему понравилась сразу. Хоть и было на рынке множество молодых женщин – и красивых, и подчас разбитных, а понравилась ему она. Евграфов так и не понял, как окрутила его, вдовца со стажем, эта тамбовская девчонка, только помнил, что голова пошла кругом от ее духов «Нарцисс».

Поженились быстро, Майя переехала к нему и теперь уже не ездила торговать, а сидела дома, готовила обеды и злилась, что муж – директор и совладелец рынка. В ее голове уже давно бродили опасные прожекты по открытию большого, современного торгового комплекса, где будет продаваться модная одежда, будут шикарные ювелирные отделы и обязательно ресторан.

– Майя, оставь. Рынок нужен всегда. Нас никто не тронет, ты же знаешь, к нам вот и новый градоначальник приезжал, хвалил. И сейчас фермерству зеленый свет дадут. Мы будем очень хорошо торговать. И люди к нам привыкли. С другого конца города приезжают. Это, сама понимаешь, при московских расстояниях и пробках – много значит!

Майя слушала, и все внутри у нее кипело. Да, у нее есть

деньги, есть красивая машина и большая квартира. Но под ложечкой сосало – хотелось яркого, броского, такого, чтобы у друзей и родственников дух захватывало от зависти. «У меня торговый центр. Большой. В центре Москвы. Торгуют итальянцы у нас! Хлопот много, но результаты другие. К нам такие люди ездят одеваться!» – вот эта последняя фраза была главной. Майе очень хотелось красивой деловой жизни, хотелось по-хозяйски стучать каблучками по блестящим полам собственного мегамолла. Хотелось дорогих духов, а не квашеной капусты с копченостями. Хотелось красивого офиса, собственной секретарши, а не заморочек с этим допотопным, хоть и отлично функционирующим рынком.

Наконец Майя решила действовать хитростью. Она утормила гнев и месяца два ходила с постным личиком.

– Ты плохо себя чувствуешь? – Евграфов заволновался.

– Нет, все нормально, только телевизор я больше не буду смотреть. Я как посмотрю, так ночами не сплю...

– Почему?

– Ну как почему? Там ведь ничего хорошего не услышишь. Только и говорят про кризис да безработицу...

– Ну, тебя это не касается! У нас, слава богу, на рынке всегда что-то будут продавать! А фермеров земля кормит. Главное, чтобы сам дураком не был!

– Да, да. Я теперь понимаю, что ты прав. Рынок – это наше спасение. Но на работу я все равно пойду. На всякий случай.

Евграфов, человек военный и смелый, испугался. Майя

пойдет работать! А там... Там мужчины! Молодые! А он, ее муж, – старый! Почти старый! Майя волнуется, ее понять можно – с малолетства картошка, тяжелый труд на рынке...

Через несколько недель Валентин Петрович принес жене бумаги.

– Обещаешь спать спокойно? – спросил он, улыбаясь.

– Ну, не знаю... – Майя шмыгнула носом.

– И все-таки пообещай! – сказал муж строго.

– Ну, если ты...

– Вот, тебе теперь принадлежит часть акций нашего рынка. Я оформил все документы. Даже если со мной что-то случится... И по наследству моя доля перейдет, и твоя собственная будет...

– Ох, папка! – Майя бросилась на грудь, почти расплакалась. А умный Евграфов вдруг отчетливо понял, что его обманули, по-женски, предательски. Он понял, что расслабился и поддался чувству. «Ну и что! Ей нужнее, она молодая, зато теперь никуда работать не пойдет, будет со мной», – думал он, поглаживая толстенькую, в складочку, спину жены.

Майя умела скрывать радость и демонстрировать благодарность. Она этим занималась еще месяц, пока муж окончательно не забыл все обстоятельства передачи части своего состояния. Еще через два месяца, когда Евграфов в очередной раз отражал вялую атаку санэпидемстанции, Майя поехала с визитами к акционерам.

Собственно, акционеров было двое. Первый – бывший на-

чальник ЖЭКа Васюков, заработавший немалое состояние на фиктивном ремонте жилого фонда окраинного московского района, на не совсем законном расселении коммуналок и озеленении вверенных ему улиц. Опасность Васюков чувствовал, как таежный зверь, а потому свой пост покинул сразу по достижении пенсионного возраста – благо денег было у него уже достаточно. На пенсии он растолстел, обленился и в душе был очень благодарен Евграфову, с которым его совершенно случайно столкнула судьба. Благодаря директору рынка состояние Васюкова, жившего на широкую ногу, не таяло, а приумножалось. Бывший начальник ЖЭКа встретил Майю радушно, стал суетиться, накрывая на стол.

– Спасибо, я ничего не буду, – Майя хотела во что бы то ни стало сохранить дистанцию.

– Что ж, мы не можем перекусить? – Васюков чуть ли не причмокивал то ли от предвкушения рюмки коньяка, то ли от близости аппетитной Майи. «Евграфов себе оттяпал на старости лет. Эх! Ладно, девка, видно, ушлая, с такими опасно, да и Валентин – мужик хороший, на нем вся наша выгода держится. Не он – рынок бы загнулся. А так – дело идет бойко! Вот только что эта мадам хочет от меня?» Васюков изобразил всем своим видом дружеское внимание.

– Мне кажется, что рынок ждут проблемы... – начала Майя. – Я, как жена, очень переживаю за Валу и поэтому ничего не стала говорить ему, а сразу к вам.

– Правильно, правильно... Валентин иногда даже на звон-

ки не отвечает, я не обижаюсь, я понимаю, что занят...

— Вот-вот, поэтому я к вам и приехала! Я очень хорошо помню, как тогда, на шашлыках, вы уговаривали мужа закрыть этот несчастный рынок и построить торговый центр. Настоящий, большой, столичный. Я еще тогда подумала, какой смелый и умный план!

Васюков совершенно ничего не помнил. Ни плана построить торговый центр, ни, что самое важное, шашлыков, когда он об этом говорил. Он внимательно посмотрел на Майю и неожиданно решил: «А ты, коза, врешь, ничего такого я не говорил! Но и признаться в этом нельзя... Вдруг...» Что «вдруг», он так и не решил, поскольку неожиданно прервал Майю:

— Я все отлично понял! Надо это делать, нечего кота за хвост тянуть. Надо собирать собрание. А с Валентином... — Тут Васюков наклонился к Майе, почувствовал ее сладкие духи и с апломбом соврал: — Я с Валентином на правах друга беседовал, причем недавно... Конечно, рынок приносит доход, но надо думать о будущем, рано или поздно его постараются убрать — в конце концов, это же почти центр города.

— Вот-вот! Я же пока ничего Валечке не скажу, чтобы его не волновать!

Васюков чертыхнулся про себя и кивнул. Они друг друга отлично поняли — ни один из них не выдаст другого. Майя будет всегда утверждать, что Васюков сам додумался до строительства торгового центра, а Васюков не скажет, что

к нему приезжала Майя. «Она права – рынок доход приносит, но больше мы получим с пяти этажей, а не с одного. Тут и математиком не надо быть. И то, что она ко мне приехала, – тоже козырь. Может, и понадобится его вытащить!» – думал бывший начальник ЖЭКа, провожая Майю.

Вторым акционером была дама по имени Ада. Она когда-то занималась бухгалтерией на этом самом рынке и в момент акционирования имела достаточную сумму, вырученную за продажу большого деревенского дома. Евграфов и Васюков Аду знали давно, на большую долю она не претендовала и вообще была женщиной спокойной, не скандальной. Ада встретила Майю за маникюром, много вопросов не задавала, решив, что гостью послал муж.

– Да я не против! Действительно, торговый центр – это солидно, а потом, это вам не один этаж, можно же пять построить! Представляете, сколько у нас будет арендаторов?! Это такие деньги! – В восторге от перспектив она выдернула руку у маникюрши.

– Да, да! – Майя оживилась. – Это современно! Это солидно, красиво!

– Конечно, а Валентин Петрович отлично наладит дело!

Итоги визитов были прекрасными, но оставалось самое главное – надо было провести собрание и проголосовать соответствующим образом. Майя долго ломала голову над тем, как устроить так, чтобы и дело довести до конца, и от мужа не схлопотать. Наконец она придумала. Позвонила Васюко-

ву и пожаловалась:

– Никак не могу с мужем переговорить! Он все время занят, а я с родственниками вожусь! Может, вы ему позвоните? Условитесь о дне? Только не ссылайтесь на меня – Валечка ужасно злится, когда я в мужские дела лезу.

Васюков, уставший от безделья, польщенный доверием и совершенно не подозревающий, что Майя теперь тоже акционер, бросился выполнять поручение.

– Ты знаешь, что Васюков звонил? Говорит, что акционеры собираются? – спросил Евграфов за ужином.

– Откуда? – Майя сделала круглые глаза. – Папка, можно я не пойду? Ничего серьезного обсуждать не будут, а если будете, ты сам все решишь. Ты же знаешь, я не люблю соваться в эти дела!

– Ну да, – согласился Евграфов.

– Нет, ты не думай, что мне все равно. Я, если успею, обязательно заскочу...

Акционеры собрались в кабинете Евграфова на рынке. Васюков долго восторгался гастрономическими красотами, а потом пошутил:

– Валентин, я знаю, почему ты так любишь рынок!

– Почему же?

– Ядреные тут у тебя фермерши!

– Так у них фермеры есть, – улыбнулся Евграфов.

Васюков многозначительно хмыкнул и объявил:

– Ребята, настало время для рывка. Надо признаться, что,

несмотря на отличные доходы, от жизни мы отстали, пора что-то менять!

– Что именно? – Евграфов был удивлен, но сохранял спокойствие.

– Валентин, согласишься, что рано или поздно рынок снесут.

– Соглашусь.

– И что мы будем делать?

– Для начала бороться, чтобы не снесли. А там... Там видно будет.

– Вот! – торжествующе воскликнул Васюков. – Вот именно эта твоя позиция и не дает возможности нам развиваться! Понятно, что все идет по накатанной, так легко...

– Давай, ты один день здесь поработаешь по накатанной. – Евграфов так же спокойно смотрел на Васюкова.

– Компаньоны, компаньоны, – вступила Ада, – только не будем ссориться. Слишком многое нас объединяет.

– Никто не ссорится, – Евграфов поморщился, – я против сноса рынка и против строительства торгового центра.

Васюков вдохнул полной грудью и завел долгую речь о перспективах. Затем вступила Ада, которая, покраснев, произнесла всего лишь несколько коротких фраз, но слово «деньги» там повторялось не менее восьми раз. Евграфов хранил невозмутимость. Васюков понимая, что поскольку львиная доля акций принадлежит Евграфову и спасти идею могут только веские аргументы в пользу строительства торгового центра, старался проявить решительность. Но то, что

в тайном разговоре с Майей было очевидным и простым, под немигающим взглядом старшего акционера становилось неубедительным. Слова вязли во рту, как неспелая хурма. И вот когда ему показалось, что партия проиграна, в кабинет влетела Майя.

– Господи, я опоздала! Извините, но тетка просила ее в магазин отвезти. Извините еще раз! Я многое пропустила? – И она выразительно посмотрела на Васюкова. Тот встретился с ней глазами и все моментально понял. Понял то, что еще не знал. Понял, что Майя приезжала к нему по собственной инициативе и будучи уже акционером. «Баба – огонь!» – мелькнуло у Васюкова в голове, и он, собравшись с духом, произнес:

– Давайте проголосуем! Кто за снос рынка и строительство торгового центра?

– Ой, конечно! Пап... Валентин, наконец-то ты принял решение. – Майя, играя в непосредственность, чуть приобняла мужа. – Я – за.

– Я тоже, – Васюков поднял руку и посмотрел куда-то в пол.

– За, – Ада подняла холеную ручку и прикинула, во сколько обойдется строительство.

– Я – против. – Евграфов встал и вышел из кабинета.

В семье Евграфовых стало неудобно. Так бывает, когда в дом приезжает дальний родственник и вместо обещанных

трех дней задерживается на две недели. В первое время Майя ходила за Евграфовым по пятам и слезливо объяснялась:

– Пап, ты понимаешь, я-то думала, что это ты решил! Мне же в голову не могло прийти... Ты меня извини... Я, честное слово, не хотела...

Евграфов отмалчивался долго. Он почти не разговаривал с женой, уезжал рано, возвращался поздно. Перестал брать обеды, заботливо заворачиваемые Майей. Ночью в спальню он тоже входил тогда, когда жена уже спала. Или делала вид, что спала. Майя занервничала – муж никогда так себя не вел.

В конце концов она устроила праздничный ужин с вином в хрустале. Евграфов поужинал молча, выпил вина и...

– Майя, в кого ты у меня такая дура? – Он ласково посмотрел на жену, и та поняла, что прощена.

Жизнь потихоньку вливалась в прежнее русло, а Майя, впитавшая из своего тяжелого деревенского детства примитивную хитрость, успокоилась, перестала бояться, что ее поколотят поленом и выкинут из этой удобной квартиры, с лукаво-простоватой готовностью забыла, как обманула мужа. Она добилась своего и уже не ходила за мужем с ласковым взглядом, не готовила заботливо обеды, и ужин теперь был на скорую руку. Евграфов это все видел и понимал – и прощал это вероломство ради собственной выгоды. Он прощал это вранье, шитое белыми нитками, потому что любил ее, привык к ней и потому, что был человеком понятливым.

Тем временем Васюков получил все бумаги, разработал проект торгового комплекса, утвердил смету строительства. Евграфов принципиально не касался этих вопросов.

– Валентин, тебе действительно не интересно? – Васюков приставал с вопросами и совал под нос ворох бумаг.

– Действительно. Вы постройте, а я, уж так и быть, буду директорствовать.

– Ты хоть советом помоги!

– Сами умные! – отвечал Евграфов.

Помимо принципиального нежелания вникать в детали авантюрного проекта Евграфов сейчас был занят тем, что готовил рынок к закрытию. Это только со стороны казалось, что все просто – повесь объявление и дождись, пока арендаторы соберут пожитки. На деле рынок – организм живой и здоровый – бурлил, сопротивлялся, старался любыми способами оттянуть время, когда широкие зеркальные двери закроются навсегда. Люди собирались в клокочущие эмоциональные группы и ходили в кабинет директора. Там все давали себе волю – кричали, грозили, плакали. Евграфов на все это взирал спокойно, а дождавшись, когда все наконец выдохнут, начинал говорить успокоительные слова и обещать, что в новом торговом центре на первом этаже обязательно будет фермерский магазин. В ответ на это раздавался человеческий рык. Евграфов и это принимал стоически – ему не надо было объяснять, какая разница между рынком и фермерским магазином.

Однажды вечером, вернувшись с почти опустевшего рынка, Евграфов задал Майе вопрос:

– Корову куда поставим?

– Какую корову? – не поняла жена.

Валентин Петрович молча встал и вышел. В этот вечер он улегся в гостиной, а Майя по телефону шепотом делилась с тамбовской родней:

– Представляешь, он из-за этого куска железа! Из-за этой уродливой коровы?! Другие памятники ставят настоящие, а это что... Позор какой-то, во всей Москве дурака не сыскалось такого, как мой...

Памятник корове демонтировали и временно поместили на хранение во дворе склада за Кольцевой дорогой.

Разбирать здание рынка начали в начале ноября, любимое время Евграфова, – тогда рынок начинал пахнуть не только приправами, но и холодным терпким духом первых хризантем.

– Что это? – Евграфов оторвался от чашки с кофе, когда с улицы донеслись звуки работающей техники и грохот падающих железобетонных опор.

– Это работы начались, техники подогнули много, надо за год управиться. – Майя выглянула в окно. Дом, где жили Евграфовы, находился в одном квартале от рынка.

В больницу Валентина Петровича увезли ночью.

– Подозрение на инфаркт. – Врач «Скорой помощи» уже

звонил в стационар, чтобы там были готовы принять сложного больного.

Так уж получилось, что почти все время, пока разрушали рынок, расчищали площадку и возводили здание, Евграфов провел в больнице и в санатории. Лечение, выздоровление и реабилитация заняли почти год.

– У вас абсолютно изношенный организм. Как вы умудрились довести себя до такого состояния? – Лечащий врач очень симпатизировал пациенту и терпеть не мог его жену. Повидав на своем месте множество сложных и неоднозначных людских отношений, врач с точностью поставил диагноз Майе: «лживая хабалка» – и старался препятствовать ее частым посещениям. Она не суежилась, как другие жены, с паровыми котлетками и горячим пюре. Особенно врача возмущало то, в каком виде Майя приходила в палату – огромные каблуки, короткая юбка, открывающая полные ноги, яркий маникюр и духи... Духи приторные, ядовитые.

– У нас нельзя пользоваться духами. У некоторых пациентов это может спровоцировать аллергию, – передала медсестра слова врача.

– И что теперь? У меня потом ответственная встреча! – Майя изображала из себя деловую женщину.

– В больнице такой порядок. Он обязателен для всех.

Пришлось Майе отказаться от духов, но ее наряды по-прежнему были вызывающими, а визиты неурочными. Лечащий врач все сразу понял – мужа жена посещала «по

остаточному» принципу, только когда появлялось «окошко» между другими, более важными делами. Еще было заметно, что особой радости мужу эти визиты не доставляют. Что-то между супругами произошло такое, что даже тяжелая болезнь не могла примирить их.

– Вашему мужу нужен покой. А вам, как понимаю, надо следить за процессом строительства? – Врач был опытный. Он, как только оказал первую помощь и назначил лечение Евграфову, поинтересовался последними событиями в его жизни.

– Да, на мне сейчас столько всего...

– Вот и отлично! Занимайтесь делами, а мужа оставьте в покое. Два раза в неделю – максимум посещений, который я могу вам разрешить. Ну там домашняя еда, деликатесы, все свежее, питательное можете передавать с медсестрами, – добавил врач со злорадством и подумал: «Ничего, голубушка, побегай, попотей, тебе полезно, вон какие окорока отъела!»

На Майю действительно свалилось много забот. Васюков оказался плохим организатором и ленивым исполнителем, его энтузиазма хватило лишь на общие разговоры и хождения по инстанциям. Майя помогала, как могла. Именно так появился пятиэтажный торговый центр с претенциозным названием «Люкс» с эскалатором только до второго этажа, с пассажирскими лифтами, спрятанными в подсобных закутках, и с плохой вентиляцией. Так появился торговый центр, обреченный на безлюдье, непостоянство арендаторов и отсут-

ствие стабильных доходов.

Глава 3

Валентин Петрович вышел из больницы человеком, у которого отняли часть души. Он понимал, что эта самая часть осталась лежать вместе со строительным мусором в глубоком котловане, где потом был возведен фундамент торгового центра. Объяснить жене, что значила для него прежняя работа, было совершенно невозможно – Майя таращила глаза, размахивала руками и взхлеб рекламировала только что отстроенный «Люкс».

– А почему такое название выбрали? – перебив однажды многословие жены, спросил Евграфов.

– У нас будет все – люкс! И товары, и оформление, и ресторан.

– А у вас еще и ресторан будет?

– А как же, на пятом этаже.

Евграфов, который уже совершил тайную экскурсию, только покачал головой – более бездарного воплощения неплохой идеи стоило поискать.

– Ты представляешь, как там трудно будет работать людям?! Мало того что покупатели должны отыскать лифт, они должны будут ходить по магазину, обливаясь потом – там нет централизованной системы кондиционирования. Сэкономили на основном! А как люди работать будут?! По десять часов?!

– Что ты так волнуешься?! Пусть об этом голова у арендаторов болит!

– Не будет она болеть! Потому что не будет у вас арендаторов! – бросил Евграфов.

– Это почему же? – Майя вдруг разозлилась. Ее муж, похоже, до сих пор думает, что управляет рынком и что он все решает. А в этом торговом комплексе – хозяйка она. Майя про себя усмехнулась – как вовремя она подписала все бумаги! Пока Евграфов был в больнице, а Васюков «сломался» на первом же круге, она заставила акционеров сделать ее директором.

– А Валентин как же? – спросил Васюков встревоженно. Нельзя сказать, что им руководили сочувствие или угрызения совести, он просто понимал, что, кроме Евграфова, никто не исправит совершенные ими ошибки.

– А что Валентин! Он – исполнительный директор! – Майю смутить было нельзя – она продумала все до мелочей.

– Думаешь, согласится?

– Да, – отрезала Майя. В отсутствие мужа она вдруг обрела самоуверенность. Она с облегчением думала, что теперь муж гораздо больше в ней нуждается, чем она в нем. И можно «задвинуть» его на периферию семейной жизни – вроде и муж есть, и такой еще интересный, но в силу обстоятельств теперь в ее, Майиных, руках власть и деньги. А муж должен подчиниться ей. Ради своего же блага и здоровья.

Хамоватая уверенность Майи разбилась, как случайно вы-

павший из морозильной камеры кусочек льда, на мелкие мокрые осколки. С момента открытия торгового центра за три месяца арендаторы поменялись уже два раза. Люди съезжали со скандалами – покупателей не было, продавцы падали в обморок от духоты, запахи со второго этажа – там, где располагался универсам и большой кулинарный цех, запахи жареной рыбы, мяса, лука портили дорогую одежду и заставляли редких покупателей морщить носы.

– Пап, там у нас немного проблем... – Как-то вечером Майя сделалась необыкновенно ласковой. Она приехала с работы и как была, в темном дорогом плаще, на высоких шпильках, прошла в гостиную, где разбирал какие-то бумаги Евграфов.

– Ты ужин приготовь, – отвечивал ей муж и, не слушая, стал что-то писать.

Майя на мгновение замерла, потом фыркнула и пошла переодеваться. Ей очень хотелось наорать на Евграфова, но она сдержалась. «Васюков прав, без него мы сейчас не справимся. Поджарю-ка я ему картошки с мясом, так, по-парадному», – думала Майя и доставала дорогие тарелки.

– Вот, пожалуйста, я тебе мясца сделала, с картошечкой... – Майя внесла большую тарелку.

Евграфов взглянул на тарелку и произнес:

– Мне этого нельзя... Холестерин. Ты же сама с врачом говорила...

Майя растерялась:

– Так что? Ты не будешь ужинать?

– Почему не буду? Буду, только то, что можно. Ну, у тебя же есть список продуктов...

Майя, покраснев, вернулась с тарелкой в кухню.

– Может, тебе гречку сделать? – закричала она из кухни.

– Можно гречку. – Голос мужа звучал равнодушно. Это раньше в его интонациях слышались извинения, ласка и предупредительность. Теперь этого ничего не было.

– Ну, ты будешь ее есть? – уточнила Майя.

– Наверное, – последовал ответ.

«Господи, неужели по-человечески нельзя! Что он из себя строит!» – злилась Майя, но держала себя в руках. Надо было обязательно поговорить с мужем – дела в торговом центре шли из рук вон плохо, а от Васюкова и Ады проку не было никакого.

Наконец вечером Майя решилась:

– Валя, у нас там такие проблемы...

– И что? – Было видно, что муж ждал этой фразы.

– Ты не посмотришь, что можно сделать...

– Нет, не посмотрю, мне этот торговый центр не нужен был...

– Я понимаю, я же как лучше хотела... А сейчас... – Майя привычно всхлипнула. Евграфов посмотрел на жену, и в душе ничего не шевельнулось. Ему совсем не было ее жаль, не хотелось успокоить, придумать какое-то чудодейственное средство, способное вытащить этих идиотов из ямы, куда

они добровольно прыгнули. Евграфову вообще не хотелось ничего делать. Даже говорить...

– Зря ты завела этот разговор, я не буду заниматься магазином...

Майя заморгала глазами, принимая вид обиженной дуручки. Раньше эта мина срабатывала безотказно. Сейчас же муж досадливо отвел глаза – вид толстой тетки, изображающей плачущую девочку, был ему неприятен. На мгновение Евграфов испугался: «Что это я?! Я же видел все это раньше. И все равно женился. Выдернул ее из привычной среды, что-то обещал... И детей вот у нас нет. А если бы дети были, может, она и вела бы себя по-другому. Хотя... Но нет, не могу себя заставить. Скучно все это мне. А видеться надо будет каждый день!» Последняя мысль обожгла его – к жене не осталось никакого чувства, кроме раздражения. Он представил себе их дальнейшее будущее – глаза в глаза, рука об руку... Только глаза больше ничего хорошего не скажут, а руки хочется оттолкнуть.

– Хорошо. Помогу. Только два условия. Первое, я – директор. Со всеми полномочиями. И никаких там коммерческих, исполнительных и прочих около меня не будет! Чтобы никто под ногами не мешался и никто с советами и рекомендациями не лез. Отдельно документально закрепить, что акционеры имеют всего лишь совещательный голос. Никаких решений они принимать не будут в силу юридической невозможности.

Сказав все это, Евграфов встал и пошел в спальню. Майя осталась в гостиной и пыталась понять, выиграла она или проиграла.

Через три месяца Майя поняла, что проиграла. Нет, конечно, пойдет прибыль, та самая, о которой они мечтали, открывая этот магазин, и она будет еще богаче, чем сейчас... Но пока...

Пока она явно проигрывала – муж, к которому она пыталась относиться теперь снисходительно, переиграл ее. Он в ней не нуждался. Более того, он работе отдавал все время. Он просто поселился в торговом центре. И без всякого разрешения тратил редко поступающие оттуда деньги на всяческое благоустройство. И Майя, которой очень нравилось теперь подсчитывать барыши, ужасалась такой расточительности...

– Вы поговорите с ним! Что он делает! – звонила она попеременно Васюкову и Аде.

Те только что-то бормотали – и Васюков, и Ада отлично осознали серьезность спешных просчетов. Васюков, тот и вовсе стал говорить, что Майя его ввела в заблуждение и если бы не она, рынок до сих пор работал бы. Васюков даже приезжал к Евграфову и долго объяснялся.

– Ладно, главное – не мешайте мне. – Валентин Петрович на прощание пожал руку вероломному соучредителю. Отныне вся его жизнь принадлежала торговому центру. И чем

больше там было проблем, тем больше радовался Евграфов – эта жизнь, полная неприятностей, сложных человеческих взаимоотношений и все-таки побед, заменила ему семейную жизнь.

Первым делом Евграфов сдал четвертый этаж. Ему стало очевидно, что без эскалаторов с первого до пятого этажа, без этих движущихся лестниц, которые служили своего рода обзорной площадкой, покупатели доберутся максимум до третьего этажа. Четвертый и пятый, следовательно, надо было сдать целиком. Балетное училище, куда он поехал в первые же дни своего правления, долго не думало, и правильно делало – сдал он им этот этаж почти задаром. Сделал это Евграфов легко – ни с кем советоваться было не надо.

Пятый этаж он подготовил под ресторан. Желающие уже были, но всех смущали отсутствие опять же эскалатора и спрятанный в закоулки лифт.

– Что вы переживаете? У нас несколько лифтов. Один мы отдадим вам. Полностью. Этот лифт может не останавливаться на других этажах, он сразу будет гостей поднимать к вам. У вас будет лифтер, в униформе... – Евграфов говорил это все управляющему ресторана, хмурому человеку лет пятидесяти. Скепсис на его лице, казалось, занял прочное положение.

– Да зачем нам лифт, – прогундосил управляющий.
Евграфов на секунду замолчал, а потом бросил:

– Да хоть гостю стопку первую в этом лифте поднести! – Он эту фразу бросил в сердцах, только чтобы растормошить мужика. И попал в цель.

– Стопку. В лифте. На серебряном подносе. Девчонка в кокошнике. В сарафане. Такая, чтобы – «ух»! – Глаза мужика приобрели осмысленное выражение. – Понял. Наверное, заезжаем. Завтра обсудим детали.

Когда за ним закрылась дверь, Евграфов пожал плечами – вот и пойми, что может послужить «последним» аргументом.

Когда четвертый и пятый этаж были «устроены», Евграфов вплотную занялся третьим этажом. Именно этот этаж доставлял ему беспокойство. Именно здесь обосновались основные магазины торгового центра. Сюда должен был идти основной поток покупателей. И именно здесь столкнулись интересы, амбиции и характеры людей, которые разумную уступку считали непозволительной слабостью, а отношения между собой эти люди выясняли путем криков и мелких пакостей.

К сожалению, в то время, когда строители доделывали последний этаж, а Евграфов по рекомендации врачей совершал долгие лесные прогулки, вопросами аренды занималась Майя. Нарядившись в узкую юбку и черную гипюровую водолазку, она гордо восседала в новом кожаном кресле за огромным директорским столом и принимала посети-

телей. Объявление о свободных торговых площадях давали уже давно, и люди приходили часто. Майя улыбалась, давала пояснения, показывала павильоны, а сама внимательно наблюдала. Она не очень вникала в то, о чем ей говорили, ее не очень интересовало, чем будут торговать, ей больше всего не хотелось иметь конкуренток. А приезжали в основном почему-то приятные деловые женщины, подтянутые, ухоженные, умеющие тактично держаться. Глядя на них, в голову не приходило, что они начинали челноками или торговали на вещевых рынках. Майя испытывала, как бы теперь сказали, когнитивный диссонанс – все приходящие были торговками, но торговками какими-то образованными, воспитанными, со вкусом. «Глядишь, начнут умничать!» – почему-то думала она, и ей становилось неуютно. Майя вообще сразу начинала плохо относиться к человеку, если чувствовала хоть малейшее его превосходство.

– Да, это очень хорошо, что вы занимаетесь кожгалантереей, но мы будем думать, сами понимаете, желающих много, – высокомерно заявляла она владелице фирмы, которая занималась сумками и чемоданами. Причем высокомерность эта проявилась после того, как дама рассказала, что в прошлом преподавала в университете историю языка, а в торговлю пришла случайно после смерти мужа.

Таких было немало, Майя даже стала думать, что все владельцы торговых фирм по меньшей мере кандидаты наук. Ей сложно было поддерживать разговор, сложно было искренне

улыбаться, и она даже представить себе не могла, как будет общаться в дальнейшем.

Решение было найдено случайно – однажды вечером она встретила свою подругу по рынку, Наташу Шадринцеву. Собственно, Наташей ее никто давно не звал – в силу определенных обстоятельств ей дали прозвище Сто один килограмм. Шадринцева, прознав об этом, сначала немного обиделась, потом разозлилась, а затем приняла это с грубым цинизмом человека злопамятного и вероломного. «Ну ладно, я им еще отвечу!» – думала она про себя, идя по рынку своей тяжелой походкой. Всегда в дешевом черном вязком одеянии – широкие брюки, свободная кофта, с короткой, почти мужской стрижкой, она производила впечатление неряшливого, почти отталкивающего.

Теперь же, в отсутствие мужа, Майя вспомнила о Наташе Шадринцевой. Вот кто ей сейчас нужен! Своя в доску, одного поля ягода и прочее, вытекающее из этого. Ей казалось, что выход найден. Вот тот человек, которому она с удовольствием сдаст павильон. И даже не один.

Наташа Шадринцева заняла сразу четыре павильона. Она потребовала снести перегородки и принялась раскладывать товар. Занималась она этим с чувством, с толком, привезла множество дешевых и страшных манекенов. Майя заглянула к ней:

– Сумки уже привезла?

– Да. Выставлять буду по три, три с половиной тысячи. А

что? У вас тут такая аренда!

Майя усмехнулась, кто бы жаловался – при заключении договора подруга торговалась нещадно. Майя на мгновение даже пожалела, что связалась с ней. Не выдержав, Майя громко выматерилась и заявила:

– Ты как была рыночной бабой, так и осталась! Я же тебе такую скидку дала!

Шадринцева в ответ только рассмеялась, а Майя с облегчением вздохнула – ну с кем еще можно так запросто!

– Ладно, подруга, если хочешь, я тебе еще людей приведу. Своих. А ты мне еще одно помещение, то, которое на первом этаже, по цене третьего этажа?

– А рожна на лопате? – Майя возмутилась. Первый этаж был лакомым кусочком. Во-первых, все помещения имели отдельный вход. Во-вторых, это была первая линия, покупатель вряд ли мог пройти мимо, в-третьих, помещения были там отделаны более качественно. Но и арендная плата была высокой. На ней настояла Майя. И теперь Шадринцева требовала отдать лакомое помещение почти за бесценок.

– Не знаю, не знаю. Там же банк сидит, может, они захотят прихватить...

– Как хочешь, тогда на хрен мне стараться! – Шадринцева что-то напевала и вытаскивала из пыльных мешков вещи. «Господи, где она все это взяла!» – потянула носом Майя и уловила запах плесени. Впрочем, жена Евграфова сопротивлялась недолго – вид огромного пустующего пространства

портил ей настроение.

– Ладно, заселяйся на первый этаж, хрен с тобой! – Майя получала какое-то удовольствие от того, что можно было не стесняться и говорить так, как привыкла на рынке. Это Евграфов ворчал и требовал, чтобы она разговаривала нормально.

В последующие дни третий этаж превратился в муравейник – Шадринцева сдержала слово и привела своих знакомых. Майя кого-то знала, с кем-то пришлось познакомиться, но ей было легко – все были людьми рыночными, простыми в обращении и поступках. Через две недели на коробках и ящиках устроили небольшую пьянку с последующим выяснением отношений. Оказалось, что Шадринцева пригласила людей, но не предупредила, что точно такой же товар, каким всегда торговали они, она завезла в свой отдел.

– Ты что?! Как может быть два отдела шляп? – возмущались одни.

– У меня остатки, – невозмутимо отвечала Шадринцева.

– Врешь, ты всегда пшеном торговала, ты никогда не торговала промтоварами! – орали другие. Часть их ассортимента тоже захватила Шадринцева.

– Теперь буду торговать. – Шадринцева млела от удовольствия. Людей она заманила, договор они подписали, деньги за три месяца внесли – такое правило ввела Майя, – павильоны оборудовали и... ловушка захлопнулась! Деньги в торговую точку были вложены, уйти нельзя, оставалось завозить

товар, но оказалось, что все это уже есть в огромном количестве у Шадринцевой. Как тут не возмутиться! Все пошли к Майе:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.